

ОН МОИ
ПРАК
МОИ
СЛУЖИТ

Марисса Армина

Раздень МЕНЯ

СЕРИЯЛЬ
10 СЕРИЙ

ОБЪЕДИЛ ИХ ДЛИННОГО СНА,
4 ОКТЯБРЯ СЕБЕ

Ariana Markiza

Раздень меня

<https://litres.ru/74212339>

Аннотация

- Меня насильно выдали замуж...я стала женой человека, к которому не чувствую ничего кроме холода. Но, я даже не могла представить, что настоящий огонь ждет меня не в супружеской постели, а за дверью нашего дома. Когда на пороге появился он - Вальтеро Гамбино, мой свёкр. Мужчина, чье имя боялись произносить, чье слово было законом, а взгляд обжигал сильнее сицилийского солнца. Меня зовут Магдалена Беллуччи и это моя исповедь. Он стал моей тенью. Моим судьей. Моим страхом и проводником в запретный и развратный мир. Чем сильнее я сопротивляюсь, тем глубже оказываюсь в его сети. Он знает мои слабости, подталкивает меня к грани - и ловит, когда я почти падаю. Он ломает меня и это приносит мне дикое удовольствие. Это не роман. Это страсть и похоть. И уж точно не любовь. Мы не должны чувствовать друг друга и смотреть так, как посмотрим. Связь между нами - преступление. Но, чем сильнее меня держат в золотой клетке, тем отчаяние я ищу то самое запретное желание. И когда город засыпает — просыпается мафия, а вместе с ней и наша преступная, итальянская любовь - свёкра и невестки.

Содержание

Добро пожаловать	4
Пролог	9
Глава 1. "Мажор" 18+	13
Глава 2. «Шахматы»	26
Глава 3. «Золотая клетка»	38
Глава 4. «Побег»	50
Глава 5. «Роковая встреча»	65
Глава 6. «Брачная ночь»	75
Глава 7. «Лишиться девственности» 18+	88
Глава 8. «Последствия»	101
Глава 9. «Прикосновения»	113
Глава 10. "Влажные трусики"	125
Глава 11. «Искушение» 18+	136
Глава 12. «Блудница» 18+	150
Глава 13. «Вожделение»	160
Глава 14 "В объятиях Дьявола"	174
Глава 15. «Ловушка Дьявола»	183
ВАЖНО!!!	193
Глава 16. «Скандал»	194
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Добро пожаловать

Всем большой приветик мои дорогие читатели♥#
 Я снова в строю и с новой горячей историей♥#

Сегодня, **20.11.2025**, я публикую свою новую историю, которая несет очень провокационное название:

«Раздень меня, Папочка»|18+

Она входит в две серии сразу «Запретная Любовь»## и «Любовь по итальянский»). Кто читал книги из этой серии уже догадываются какой будет сюжет.

В этой серии появляются истории с довольно непростой темой для общества, то, о чем не принято говорить.

Да, я знаю, что в очередной раз беру очень сложную тему для написания книг, но, если вы читаете меня давно, то, точно знаете, что я всегда пишу о реальности, именно это меня и вдохновляет в наши дни.

Данный сюжет будет очень откровенный и безумной! Снова большая разница в возрасте, снова запретная любовь и конечно же горячие итальянцы!

Я проводила опрос в своем телеграмме (ник: arianamarkiza7) и там большинства проголосовали именно за такой сюжет.

Я правда буду признательна каждому, кто будет читать эту историю. Знаю, что не многим может это быть интересно, и не каждый захочет такое прочесть, но, уверяю вас, история

будет такой же огненной, как и предыдущие##♥#

Обложка этой книги делала сама в нейросети## надеюсь вам понравится.

Я очень ждала выхода этой книги, так как мне правда очень интересно написать подобное, я правда соскучилась по таким закрытым темам##♥#

Пожалуйста, не воспринимайте все всерьез, в этой истории будет творится настоящее безумие, то, чего не было ни в одной моей книге... поэтому будьте готовы и не забывайте, что это просто дурная фантазия вашего любимого автора##

Название я специально искала провокационное и кажется у меня это получилось. А слово «Папочка» как раз идеально подошло, ведь для многих свёкр становится вторым отцом...

Сюжет этой истории я придумала не сразу, долго думала как разбавить банальную тему со свекром, я давно хотела такое написать, но понимала, что не хочу простую историю, хотелось перчинки и вот, после опроса в телеграмм, я поняла, что вы соскучились по итальянцам, а я конечно же не могу не написать о них книгу## я надеюсь, что главный герой упадет в вашу душу и отберёт сердце## а он точно это делает...

Эта история будет необычной, жестокой, безумно страстной, огненной и очень развратной## все именно так, как мы и любим ##

Хорошая девочка и взрослый, опасный дядечка итальянец — что может быть лучше?##

Эта история будет с повышенным градусом, все как вы и любите♥#

Я надеюсь, что эта история также получит местечко в вашем сердце♥# и вы также полюбите этих героев, как и всех предыдущих.

Если вы впервые на моей странице, то я очень рада вашему присутствию, а также желаю вам приятного чтения и надеюсь, вы станете моими преданными читателями и мы с вами подружмся. ♥#

А моим преданным читателям отдельная благодарность за то, что они продолжают читать мои истории и уделяют им свое время. Спасибо, что продолжайте быть рядом и читать мои книги♥# дальше-больше и дальше только интереснее...

И по старинке поехали :)

**«Страх. Запрет. Преступление.
 Он ломал меня тихо. И в этой тишине я нашла самое опасное удовольствие»**

- Меня насильно выдали замуж...я стала женой человека, к которому не чувствую ничего кроме холода. Но, я даже не могла представить, что настоящий огонь ждет меня не в супружеской постели, а за дверью нашего дома. Когда на пороге появился он - Вальтеро Гамбино, мой свёкр. Мужчина, чье имя боялись произносить, чье слово было законом, а взгляд обжигал сильнее сицилийского солнца.

Меня зовут Магдалена Беллуччи и это моя испо-

ведь. Он стал моей тенью. Моим судьей. Моим стра-
хом и проводником в запретный и развратный ми-
р.
 Чем сильнее я сопротивляюсь, тем глубже ока-
зываюсь в его сети. Он знает мои слабости, подталки-
вает меня к грани - и ловит, когда я почти падаю. Он
ломает меня и это приносит мне дикое удовольствие.

Это не роман. Это страсть и похоть. И уж точно
не любовь. Мы не должны чувствовать друг друга и
смотреть так, как смотрим. Связь между нами - пре-
ступление. Но, чем сильнее меня держат в золотой
клетке, тем отчаяние я ищу то самое запретное жела-
ние.

И когда город засыпает — просыпается мафия, а
вместе с ней и наша преступная, итальянская любовь
- свёкра и невестки.

От автора:

Главы выходят каждый день! (Возможно, бывают пропус-
ки)
 p.s. За несколько лет их не обнаружено ##

Прошу соблюдать чистоту в комментариях, не оскорблять
друг друга и автора в том числе.

Нецензурную лексику не использовать, (ну если уже силь-
но хочется и вы прям в шоке от главы и от поступков героев,
то я разрешаю ;), а вы точно будете в шоке... ##

Обсуждение глав и высказывание своего мнение по по-
воду дальнейшего события и действию героев очень привет-
ствуется. Я люблю с вами общаться. ♥#

Ваши комментарии очень важны для меня, и кстати, в конце каждой истории я оставляю лист благодарности, где также отмечаю вас, моих самых активных читателей.

По поводу орфографических и пунктуационных ошибок не писать, так как они могут присутствовать, главы пишутся и сразу выкладываются. Редакция будет уже после написания всей истории, так что, спасибо за понимание.

Думаю на этом всё, всех обнимаю и приятного чтения!

С любовью, ваша Ри♥

И добро пожаловать в мою семью. ♥

А также если желаете, можете подписаться на мои социальные сети. Буду рада каждому. Обнимаю. ♥♥♥

Telegram: arianamarkiza7

Пролог

Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасностей и игры. Именно поэтому ему нужна женщина — как самая опасная игрушка.

Фридрих Вильгельм Ницше
«Так говорил Заратустра»

— Что значит влюбиться в своего свёкра?

Каково это — поддаться запретным чувствам и оказаться в ловушке связи, от которой невозможно ни сбежать, ни защититься?

Сейчас я могу сказать лишь одно: это чувство похоже на падение, когда земля уходит из-под ног, а ты уже не знаешь — тебя толкнули или ты сама шагнула в пропасть.

Я была очень юна и наивна. Слишком. Разбитая, сломленная предательством собственной семьи, которые без колебаний обменяли мою свободу на финансовое благополучие. На власть. На очередной союз, заключённый за закрытыми дверями.

Тот роковой день, я не забуду никогда. Я стала частью сделки, как имущество. Дочь Алессандро Беллуччи — трофей, который он передал в руки другого клана. Перед тем, как я покинула отчий дом, отец сказал мне: *«В жизни человек должен попробовать все и решить, нужно это ему или нет. Кто-то не все пробует, а кто-то, попробовав,*

уже не может правильно решить.»

Я никогда не думала, что способна полюбить зрелого мужчину. Тем более — мужчину, который отчасти стоял у истоков моего пленения. Мужчину, который по статусу должен был быть для меня почти роднёй. Мужчину, которого я сначала боялась до дрожи.

Но страх — самая коварная форма притяжения.

Вальтеро Гамбино вошёл в мою жизнь не как спаситель. И не как враг. Он вошёл тихо, будто тень, которая раньше просто не попадала на моё сердце.

И всё изменилось.

Один его взгляд — и я впервые почувствовала, что меня видят. Не как товар, не как обязанность, не как разменную монету. А как женщину, которую можно понять... или разрушить.

Одного его приближения хватало, чтобы я теряла способность мыслить. Одного слова — чтобы я забывала, что такое воля. Я поняла сразу: я не невестка, я трофей, который он забрал бездарному сыну, чтобы самому сломать как хочет.

«Он касался меня так, как касаются только любимой женщины.»

Это — власть, от которой невозможно уйти. Это — зависимость, которую он растит во мне как цветок в тёмной комнате. Это — преступление, которое незаметно становится единственным, что я жду. И когда наступает момент выбраться... я понимаю: свобода пугает меня больше, чем он

Он стал для меня глотком свежего воздуха в доме, где всё пахло страхом. Открыл мне мир, о существовании которого я не догадывалась: мир, где желания опаснее оружия, а тихие разговоры могут стоить жизни. Мир, в котором каждая эмоция — риск, каждая слабость — приговор, а каждый шаг к нему — предательство семьи, мужа, себя.

**Я упала в искушение.
 Тихо, постепенно, почти незаметно.**

И прежде чем я поняла, что происходит — моё сердце уже лежало в его руках. А вырваться было поздно.

Потому что мой свёкр стал для меня всем тем, что я не должна была хотеть. И всем тем, без чего я уже не могла дышать.

Это была не любовь в привычном смысле. Это была зависимость, маскирующаяся под спасение. И теперь, когда ночи в доме Гамбино стали длиннее, а тени — плотнее, я знала одно: назад дороги нет.

**Добро пожаловать в тёмную сторону
 Италии — туда, где солнце лишь маска, скрывающая настоящую суть.
 В мир, где правят тьма и мрак, где судьбы покупают и продают, а решения принимают те, чья совесть давно захоронена под тяжестью власти.**

**В мир, где у слабых нет шанса, у честных нет будущего, а у любящих — нет права на выживание.
 Здесь пощады не существует — есть только расчёт, кровь и жадность.
 Здесь искренность считается**

слабостью, а слабость — смертельным грехом.
Здесь каждый шаг может стать последним, а каждое прикосновение — началом конца.

Здесь любовь — роскошь,
а преданность — валюта.
Здесь грех стоит дешевле истины, а любой, кто пытается остаться чистым, неизбежно становится жертвой.
Это место, пропитанное развратом, безумием и тягучими тенями, которые прилипают к коже и душе.
Место, где грех давно стал обыденностью, а страсть — оружием, опаснее любого огня.

Он ломает, шепчет, искушает.
Он забирает всё — и взамен дарит лишь то, что запрещено.

И это — мой мир.
Мир запретной страсти,
вины и невыносимо
сладкого искушения.

Мир, который не отпускает.

Мир, в котором я давно уже не гость...
а пленница собственного сердца.

Глава 1. "Мажор" 18+

Песня к главе: Maneskin - Zitti E Buoni

Деньги портят человека. Деньги дают человеку возможность раскрыть лучшие свои качества, которые он не может проявить в бедности. Деньги толкают на подлость. Деньги позволяют быть великодушным. Ради денег человек способен на всё...

**Александра Маринина
Бой тигров в долине**

— Тридцать три, — подумал Джованни, глядя на переливающееся море света, которое раскинулось под арками Колизея. — Возраст, когда уже полагается быть серьёзным человеком, но тебе всё ещё хочется оставаться ребёнком, который играет с чужими судьбами ради собственного удовольствия.

Ночь плавно опустилась на Рим, и руины древнего амфитеатра, который служил сценой для империй и битв, превратились в декорацию для праздника другого рода: всего лишь один вечер — и мир, который привык править в тени, показывал своё лицо. Колизей был арендован целиком — не просто аренда, а жест: когда твоя семья может закрыть историческое сердце города ради одной ночи, это значит, что у тебя есть власть, деньги и право диктовать правила.

Вальтеро Гамбино не просто имел влияние — он имел страх, и страх этот шел в комплекте с уважением. По всей

Сицилии о нём говорили шёпотом; в Риме его имя звучало как приговор.

Джованни родился с золотой ложкой во рту. Его детство было украшено лампами дворцов и шепотом людей, которые знали, как поднимать бокал в нужный момент. Он знал, что такое роскошь не понаслышке: поездки на яхтах, роскошные автомобили, закрытые клубы, ювелирные изделия, которые стоили, как дорожные особняки. Но роскошь не наполняла пустоту; она лишь подчёркивала её. И вот он стоял посреди толпы, окружённый друзьями, которые отличались от него лишь происхождением — все они были детьми тех, кто рулит Италией из тени и сверху. Они были мажорами нового поколения: образованные, сытые, слегка скучающие от жизни, где смысла мало, а удовольствий — в избытке.

— Ты был прав, Джованни, провести твой 33 день рождения в Колизее было лучшим решением. А какие здесь тёлочки... — друг облизнулся и сделал глоток крепкого алкоголя.

Его звали — Маттео Сантини, высокий и широкий, сын короля ювелирного рынка, держал бокал, как реликвию. Он смеялся громко, потому что смеётся тот, кого не тяготят думы о последствиях. Маттео был известен не только сыном ювелира, но и тем, кто любил громкие вечеринки, женщин и разврат. Все вокруг об этом знали. Он меня женщин чаще — чем успевал моргать.

А рядом с ними стоял Риккардо, младший брат Джованни, он отличался от старшего брата, был умен, воспитан до

блеска, с интернациональным образованием, он смотрел на празднование с лёгкой ироничной дистанции. В его глазах бродила мысль, что можно получить всё — и всё при этом потерять. Но Риккардо — тот редкий человек, который знает цену словам и обещаниям; Джованни знал: брат — его единственный настоящий препятник и, может быть, единственный, кто мог бы однажды сказать «стоп».

Шум и музыка заполняли арены, как прилив. На помостах выступали звёзды, которые обычно появлялись лишь в журналах, а теперь вживую улыбались с рекламных щитов. Джованни приглашал всех уважаемых людей лишь для того, чтобы доказать в очередной раз себе и всем вокруг — **за деньги можно купить всё и всех. Вопрос в цене.**

Вокруг — люди, чей бизнес измеряется контрактами, правками законов и звонками на высоких этажах. Среди гостей были чиновники, сенаторы, послы; кто-то шутил, что у некоторых друзей и отцы сидели за одним столом с Папой Римским. Это был мир, где церковь и государство умели улыбаться на одних и тех же банкетах, и где табу часто становилось валютой, которую можно обналичить.

Джованни и его люди жили на пределе. Они знали, что завтра их игры могут закончиться по жалобе кого-то из тех, кто имеет больше власти, но сегодня — сегодня были танцы и вино, тусовки и пьянки, разврата и беспредел. Девушки кружились в платьях, расшитых жемчугом и золотом; парфюмы смешивались — запахи дорогих духов, табака и по-

та страстей. Были и те, кого вежливо называют «любительницами беспредельного отрыва» — женщины, для которых ночь — профиль в социальных сетях и контракт на удовольствие. Они прибывали по приглашению и по привычке: для них это было шоу, в котором можно было сниматься и получать плату.

Но, среди них была одна особа, которая имела чуть больше власти, чем все остальные девушки, а именно бывшая именинника Наталина — высокая блондинка с ледяным подбородком и глазами, которые всё ещё помнили Джованни — была одной из тех, кто не мог его отпустить. Их прошлое было коротким и ярким: романы Джованни были похожи на его жизнь — быстрые, дорогие и без обязательств. Но Наталина не смирилась с ролью одной из многих. Её гордость, болезненная и кокетливая, смешивалась с желанием доказать, что он — её. Когда тени и огоньки в арках Колизея стали длиннее, она нашла Джованни. Влияние алкоголя, музыки и давности привязанностей сработали как катализатор: шаги стали решительнее, дыхание — глубже, и между ними вспыхнула интрижка, о которой мир потом прошепчет, но не станет судить — слишком многие были бы уличены.

— Чао, Джованни! С днем рождения! — Блондинка еле стояла на своих высоких шпильках. — Я принесла тебе подарок.

— Ты разве была приглашена? — Брюнет покосился на бывшую.

— Мне пригласил Маттео.

— Ты с ним тоже спишь? Тебе нравится на вкус его член?

— Закрой рот, Джованни! — Она ударила его в грудь, — ты прекрасно знаешь, что у меня нет интрижек с твоими друзьями.

— Будь со мной честна, Наталина, — он схватил её за лицо и притянул к себе, заглядывая в её ярко голубые глаза. — Лучше моего члена нет!

Она рассмеялась.

— ЧЛЕН ДЖОВАННИ ГАМБИНО ЛУЧШИЙ ВО ВСЕЙ ИТАЛИИ! — Закричала она во весь голос, на что Джованни засмеялся и без раздумий впился в губы блондинки.

Между ними вспыхнула страсть прошлого. Он потянул её за собой, они скрылись от толпы, Джованни толкнул девушку к одной из колон, откуда открывался вид на ночной город. Он задрал подол её короткого платья и прижал к своему паху.

— Пришла без трусиков, пошлая девочка... — он рассмеялся и грубо сжал ее ягодицы, тем самым раздвигая их и наблюдая её розовую щель.

— Ты никогда не любил трусики на мне, Джованни. — Говорил Наталина, выгибаясь сильнее, чтобы предоставить ему возможность войти в нее удобнее.

— Сегодня твоя киска будет пылать огнем! — Он плюнул в её промежность, расстегнул ширинку брюк и начал водить кончиком своего члена по розовым складкам тем самым раз-

мазывая свою слюною, чтобы было влажно. Резкий толчок и он вошел в её киску.

— МамаМия! — Стонала Наталина, а Джованни ускорил темп, и обхватив руками её бедра начал вбиваться в нее со всей силы.

— Фильм для взрослых в реальном времени... — сменялся Маттео, наблюдая за другом.

— Он позорит нашу семью. — Сказал Риккардо, закатывая глаза, — завтра опять все новости будут говорить об этом...

— Брось, Рикки, — он хлопнул его по плечу, — молодость дается один раз. Пойдем, я найду тебе сочную телочку.

— Да! Да! Еще! Джованни!

— Ты хочешь, чтобы я разодрал твою киску? — Смеялся Джованни, он резко вышел из нее, повернул лицом к себе и схватил за горло.

— Ты бы умерла за меня, Наталина?

— Да! — Тяжело дыша, ответила блондинка, на что он подхватил ее на руки, она обвела ногами его торс и он снова вошел в нее. Ее стоны заполняли с собой все вокруг, им было наплевать, что любой мог увидеть их, им была важна разрядка. Когда он понял, что уже на грани, отпустил девушки и поставил её грубо на колени, после чего начал изливаться на её лицо, она высунула язык и начала очищать его член.

— Самый вкусный мальчик... — Улыбаясь, сказала Наталина.

— Хороша чертовка. — Усмехнулся Джованни, смотря на нее сверху вниз.

— Люблю твой член, Джованни...

— Знаю, знаю, что ты ненасытная девочка.

— Я ведь твоя девочка?

— Моя. — Ехидно улыбнулся Джованни.

— Надеюсь, ты откроешь мой подарок... — целуя его член, сказала девушка

— Открою только в том случае, если там будут лежать твои трусики пропитанные твоей смазкой.

— Я их не стирала несколько дней, знаю, что ты гребанный фетишист! — Она встала, а он сжал её щеки.

— Я люблю твои трусики, Наталина. Только твои. — Он отпустил её и застегнул ширинку. — И только посмей смывать с себя мои капли. Я хочу, чтобы все вокруг знали, как тебе нравится ходить помеченной и ты любишь когда я изливаюсь на твое лицо! — Приказал он.

— Ты псих! — Она закатила глаза.

— Я просто люблю заниматься стрельбой, ты же знаешь, у меня меткий глаз и всегда заряжен ствол. — Он обхватил рукой свой пах и рассмеялся. Я люблю «стрелять» на лицо женщин.

— Придурок! Я не могу так выйти в люди! Мое лицо в твоей спер...

— Не зли меня, Наталина! Или мне придется заставить тебя скакать на члене Маттео! — Смеялся Джованни.

— Лучше сдохнуть, чем переспать с Маттео! — Фыркнула блондинка и пошла за парнем.

Эта ночь была полна похоти и забвения: стены памятника истории хранили тайны и шёпоты, а молодые люди плясали на краю пропасти, не чувствуя её. Любовь, если её можно так назвать, была быстрой, как вспышка. Хотя любовью здесь совсем не пахло, лишь страсть и желание согрешить.

На утро — следы на коже и в памяти, пустота в сердце и чувство, что ещё одно приключение прошло. Джованни проснулся с головной болью и чувством, что мир покати́лся чуть иначе, но сутулившийся мир мафиозной власти редко останавливает такие волны. Жизнь принимала это как ещё один вечер в счёте.

Дом Гамбино был монументален не меньше, чем Колизей. Вальтеро принимал сына не в образе отца, а как глава семьи, чей взгляд мог рассечь насквозь. Джованни вошёл, держась за голову, с запахом перегара и духов, с рубашкой, которая ещё пахла недавней страстью. Он ночевал в лучшем отеле Рима, но это никак не помогло ему прийти в себя после вчерашнего. Его шаги были легки, как у человека, уверенного в своём праве нарушать законы обычных людей. Но перед Вальтеро не было слов о празднике. Отец встретил его холодно — как тот, кто знает цену каждому жесту.

— Ты хорошо отпраздновал, уже успел прочесть новости о том, как ты очернил имя своей бывшей... — сказал Валь-

теро, не поднимая головы от античного столика, где лежали бумаги и стрелки времени. Его голос был тих, но в нём слышалась кладовая угроз, от которой дрогали даже люди с толстой кожей. Он не хотел ругать своего сына, так как понимал, что Джованни достаточно взрослый, но порой поступки сына выводили его, но, он умел сдерживать свои эмоции. Вальтеро прекрасно знал, что судьба сына лежит только на его плечах и если он оставит все как есть, то Джованни разрушит всю империю.

— Нам нужно поговорить о следующей субботе

Джованни, отвыкший от серьезных разговоров, улыбнулся слишком широко, ожидая поздравлений или наоборот нравоучения. Но отец продолжил без тени улыбки.

— О чем ты хочешь поговорить, отец? Я сейчас не в лучшем состоянии...

— В эту субботу ты женишься.

Комната замерла. Даже слуги, находившиеся в коридоре, словно ощутили вибрацию слова. Джованни попытался усмехнуться, но улыбка упала и треснула.

— Что? — спросил он, потому что у него не было иного содержания для реакции. — Ты шутишь?

— Я не шучу, — ответил Вальтеро. — Это сделал я. Сделка выгодна. Беллуччи — сильный соперник, и союз нужен нам больше, чем тебе кажется. Ты — символ. Ты — образ. Ты будешь тем, кто упрочит наш дом. В этот раз выбор сделал не ты. Да и тебе уже тридцать три Джованни, пора задум-

маться о семье.

Джованни чувствовал, как земля уходит из-под ног. Сделки, жёны по расчету — всё это он понимал мысленно, но никогда не думал, что однажды станет объектом такой благой жертвы. Он знал цену союза, видел карты и понимал: у семей как у их — свои правила. Но он не представлял себе, что его жизнь будет отдана не по желанию, а по приказу.

— И кто? — спросил он, не осознавая, что слова срываются с губ его братства, с его гордостью и с тем, что он считал личным.

— Девушка, которую я выбрал, — сказал Вальтеро, глаза его мерцали холодом, — из клана Беллуччи. Ты будешь частью нашей игры, Джованни. И игра эта дороже твоих удовольствий.

— Там несколько девушек, какая именно?

— В субботу узнаешь.

Вальтеро не добавил, что судьба её уже решена: женщина, которой он санкционирует союз, уже стоит в тени чужого дома, и её сердце, скорее всего, ничем не заполнено. Не важно. Для гигантов вроде Гамбино любовь — это предмет роскоши; они предпочитали расчёт и власть. Джованни в этот момент понял, что ему предстоит выйти на сцену иначе, чем раньше: ему предстояло стать иного рода символом — не только мажором, но и мужем в сделке, которая затянет его в сеть, где правила диктуют старики за столами с позолоченными ножками.

Он смотрел на отца и в его взгляде видел фамильные тиснения: власть, которая передаётся не по завещанию, а по железному закону крови и страха. И тогда, в тишине дома, полной забытых договоров и шёпота советников, Джованни почувствовал, как в его сердце медленно въедается предчувствие — вкус ответственности, горький и невкусный. Праздник кончился, а игра только начиналась.

Слова отца повисли в воздухе, тяжёлые, как камни Колизея, над которыми ещё час назад гремела музыка, Джованни впервые за долгое время почувствовал себя маленьким. Не наследником. Не королём вечеринок. Не золотым сыном империи.

А пешкой.

Пешкой в игре того, кто не проигрывает.

Вальтеро смотрел на него так, словно оглашал приговор, но этот приговор был обёрнут в позолоту долга и чести. Сын должен подчиниться. Сын должен укрепить имя. Сын должен забыть о свободе выбора.

— Ты ещё не понял, — тихо сказал отец, — но эта свадьба спасёт тебя. Спасёт наш дом. Иногда мы жертвуем удовольствием ради власти. Иногда — властью ради выживания.

И только сейчас, когда тишина дома давила на виски сильнее похмелья, Джованни понял одно: его жизнь больше не принадлежит ему.

Впервые за тридцать три года.

Он вышел на террасу, где раннее утро Рима тянуло све-

жий воздух сквозь колоннаду. Небо светлело, словно намекая, что новое начинается. Но для Джованни это начало было не светлым — оно было наполнено тенью, неизвестностью...
 и запахом судьбы, которая не спрашивает согласия.

Он не видел её лица.
 Не знал её голоса.
 Не представлял её души.

Но где-то в Сицилии девушка с чужой фамилией уже была приговорена стать сеньорой Гамбино.

Может быть, она сейчас плачет. Может, молчит.
 Может, молится. А может... в этот момент она держит в руках ту же цепь, что наденут на него.

Джованни закрыл глаза.

Он не знал, что женитьба станет лишь началом.
 Что его истинная судьба окажется не в той, кого ему назовут женой...

...а в том мужчине, чьё имя он сегодня даже не вспомнил. Мужчине, который станет его тенью. Его врагом. Его испытанием.

Вальтеро Гамбино

Имя, которое скоро войдёт в его жизнь как шторм.

Имя человека, перед которым содрогалась сама Сицилия. И имя мужчины, на которого однажды упадёт взгляд той самой девушки...

той, что должна была принадлежать Джованни...

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥# Как вам первая глава?

Как вам Джованни? Кого напоминает?

Как сам сюжет?

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 2. «Шахматы»

Песня к главе: SZA - Big Boy

**Идея — это человеческая мысль, облеченная в логическую шахматную форму.
**

**«12 стульев»
**

Джованни проснулся уже в другой реальности — не той, где музыка ещё дрожит в ушах, а где слова отца лежали на его плечах, тяжёлые и холодные, как мраморные плиты в зале совещаний. Дом Гамбино по утрам дышал иначе: не праздником, а расчетом. Солнце попадало в окна террасы ровными полосами, и в этих полосах пылились старые портреты — предки, чьи лица застыли в позе власти. Вальтеро всегда умел окружать себя памятью о тех, кто строил династию. В этот раз память обернулась планом.

**
**

В гостиной стояла Лаурина — мать, чьё имя в их кругу произносили почти шёпотом, когда говорили о красоте и уме. Она была другой породы, статная, серьёзная женщина, чьи слова имели вес. Лаурина была острым инструментом — тонкой, но неумолимой. В её глазах скользила давно выточенная решимость. Она делала чай, но делала его так, будто готовила дипломатический документ.

**
**

— Ты поздно вернулся, — произнесла она ровно, не поднимая взгляда с чашки. — Мне казалось, что ты перестанешь устраивать вечеринки, как никак тебе уже тридцать три, Джованни, но, я вижу, что ты пока не можешь изменить-ся. И ты выглядишь так, будто мир вокруг тебя внезапно стал невежлив.

— Мир стал учтив, — отмахнулся Джованни, вытирая виски ладонью со своих губ. — Отец выдвинул мне условия, поставил перед фактом. Я женюсь в субботу.

Лаурина отставила чашку на блюде, и звук тонкого фарфора пронзил тишину. Она улыбнулась — но улыбка эта не была радостной. Она была практической, как подпись на договоре.

— Я знала, — сказала она. — Это было предсказуемо, Джи. Наши браки всегда были стратегиями. У людей нашего уровня, иначе не женятся.

— Но почему Беллуччи? — он присел напротив матери, пытаясь выстроить слова так, будто они не были вызовом. Он не хотел повышать голос, хотя эмоции брали вверх, но, очень уважал свою мать и понимал, что дурной тон здесь не к месту. — Я видел их дочерей на приёме у Торелли. Они... не произвели на меня впечатления. Громадные глаза, длин-

ные ножи, но пустые как витрины. Они работают лицом и улыбкой, а не характером.

Лаурина вздохнула. Её пальцы застучали по столу, и в её движении было что-то режущее.

— Ты описал их как товар, — сказала она. — Но вопрос не в том, нравятся ли они тебе. Вопрос в том, кто стоит за ними. Алессандро Беллуччи — не просто «ювелир» в финансовом рынке. Он — поток. Его сети доходят до банков, до министров, до тех, кто считает, что короны можно ковать не только из золота, но и из долгов. Союз с ним укрепит нашу позицию на севере, даст доступ к другим связям. Ты хочешь проводить жизнь, делая вид, что тебе важны только вечеринки? Или хочешь, чтобы твоя фамилия была бронёй?

Джованни усмехнулся, но усмешка была горькой.

— Я хочу, чтобы моя жизнь хоть иногда была моей. — Его голос дрогнул, хоть он и старался скрыть это под маской безразличия. — Отец сказал, что я символ. Он сказал, что я стал пешкой. Я же не хочу быть пешкой. Я хочу выбирать. Хочу иметь свое мнение.

— Выбирать — роскошь, которую мы на этом уровне покупаем редко, — ответила Лаурина мягко, как нож, — но

выбор твой может быть иллюзорным, если за ним не стоит сила. Ты называешь себя мажором, но пойми: мажор — не тот, кто развлекается. Мажор — тот, кто может превратить развлечение в ресурс. Алессандро нам даёт ресурс. Беллуччи дают безопасность, и ради безопасности иногда приходится отдавать частичку себя. Ты выжил благодаря привилегиям — не трать их. Теперь настало время вложить их в нечто большее.

Её глаза были безжалостны и в то же время ласковы — как у тигрицы, изучающей место для охоты. Джованни почувствовал, как под давлением взгляда тает его раздражение. Он знал, что мать права, но знал и другое: правота матери — как цепочка, которая зажмёт ему шею в будущем.

— Фиктивный союз, — повторил он вслух, — на бумаге. Мы делаем вид, что платим любовью, а на деле — только транзакция.

— Именно, — согласилась Лаурина. — Публичный спектакль. Закулисная власть. Мужчина, который согласится на ваш брак по-настоящему, будет слаб. А нам нужен не нужна любовь, Джованни, нам нужна власть.

Джованни задумался. Он видел, как мать читала карту не поверхностно, а по жилкам: где слабое место врага, где мож-

но ввести руку; какие части своей империи стоит укрепить. Он представил свадьбу — бархат, золото, улыбки, которые будут рассчитаны до сантиметра. Он представил невесту — лицо, которое станет аксессуаром, не субстанцией. И где-то в глубине души он ощутил глухую, болезненную пустоту. Она была похожа на старую рану, которую раз за разом пытались залепить ювелирным клеем.

— Мам, — проговорил он наконец, — я не хочу внезапных детей, точнее, я и вовсе их пока не хочу, особенно от жены, которую не люблю. Я хочу хотя бы знать, что у меня будет свой выбор. Даже если это иллюзия.

— Иногда иллюзия — предмет торговли не хуже, чем золотой браслет, — ответила Лаурина, и в её голосе не было упрёка, только картина: мать, которая наблюдает, как сын делает шаг, и молча рассчитывает, чтобы шаг был выгоден.

Она встала и подошла ближе. Её ладонь коснулась его щеки — не по-маминому, а по-дипломатически; жест, который был больше сигналом, чем теплом.

— Будь умным, Джи, — сказала она тихо. — Играй. Не позволяй этим людям думать, что ты слаб. Но и не трать свою энергию на глупости. Сделай так, чтобы игра стала твоей, пусть ненадолго. Затем — найдёшь своё. Твой отец очень

хитрый человек и он всегда делает так, как выгодно ему, не позволяй ему взять над тобой вверх, женись, но смотри по сторонам.

Он кивнул, но в этот кивок не вложил уверенности. Потому что в нём уже поселилась мысль, что иногда «своё» выбирать некогда: иногда оно выбирает тебя.

Вечером он оказался в клубе «Фугга», где джазные ноты смешивались с запахом дорогих сигар и устаревших обещаний. Там, в полумраке, среди бархатных диванов и бликов от хрусталя, под светом, который ласкал людей так, что они начинали верить в вечность, сидел Маттео. Он опирался на локоть, смеялся ярко и громко — смех тот, который привык быть прикрытием. Маттео был телом, как скульптура, и глазами, которые привыкли получать — и брать — то, что хотели.

— Ты выглядишь как человек, который потерял чемодан с деньгами, — заметил он, когда Джованни присоединился. — Что не так, маэстро?

— Отец распланировал мою жизнь, — ответил Джованни, не скрывая усталости. — В субботу я женюсь.

Маттео вытянул губы в карикатурном недоумении, и стакан с виски дрогнул в его руке.

— Женишься? — повторил он, будто проверял, не услышал ли неправильно. — Ты? Ты же — король вечеринок. Холостяк по жизни. Тебе дают жениться? Кто дерзнул это предложить, папа? Или ты наконец устал от того, чтобы каждое утро находить новый труп в своей кровати?

— Это не мой выбор, — сказал Джованни. — Отец сказал, что это — союз с Беллуччи. Он важен для статуса нашей семьи. Я знаю их дочерей: видел их на приёме у Торелли.

— Беллуччи? — Маттео приподнял бровь. — Они как будто вышли из розничной витрины. Я помню их: высокие, красивые, но лица у них как у фарфоровых кукол. Ты уверен, что это — стратегически выгодно?

Джованни вздохнул.

— Я думал так же. Но мать настаивает. И отец делает ход. Я — пешка. Правда в том, что за ними стоят люди, Маттео. И за ними — деньги. И за этими деньгами — милости и рычаги. У отца появились кое какие проблемы, есть те, кто хочет перекрыть ему кислород, видимо поэтому решил связаться

с Беллуччи у них много связей в правительстве.

Маттео усмехнулся, но в его взгляде мелькнуло любопытство, которое быстро сменилось азартом.

— И кого же тебе дали? — спросил он, потому что новости такого рода в их кругу — как новый туз в игре. — С кем мы будем праздновать твой «счастливый» брак?

Джованни пожал плечами, но слова вырвались острыми, как кортик.

— Старшая дочь Алессандро Беллуччи.

Сначала в глазах Маттео промелькнуло удивление, затем — почти детская зависть.

— Ах, да, — сказал он, и в его голосе звучал трепет и признание. — Старшая? Она же — красавица. Все сходят с ума по ней: светские львицы, актеры, даже некоторые кардиналы... Она — как бурбон с блеском на глотке: дорогая и опасная. Короче, Джи, ты получил подарок. Надо отметить это по-настоящему.

— Это не подарок, — отрезал Джованни. — Это оковы. И тебя тоже ставят в этот спектакль: наши семьи улыбаются,

мы жмём руки, а в реальности — это поля боя. Мы наследники больших империи всего лишь марионетки в руках своих отцов.

Маттео покачал головой и тут же рассмеялся, смехом, который был почти злорадным.

— О, ты такой пафосный, когда думаешь о судьбах. Но признавайся: тебе понравилась мысль о старшей. Ты ведь видел её на том же приёме. Она горда и дерзка — твой тип. Хм. Может, это будет интересно.

— Ты тоже в это веришь? — Джованни посмотрел на него — на друга, который был и приятелем, и испытанием. — Что она красива — знаю. Но я не хочу быть декоративной фигурой. Я не хочу, чтобы моё имя использовали как шинель в сырую погоду.

— А кто говорит, что ты будешь лишь фигурой? — Маттео улыбнулся тем, чем умеют улыбаться люди, не боящиеся последствий. — Может, ты сделаешь из этого спектакля свою оперу. Ты умеешь быть хитрее, чем думаешь. Воспользуйся инструментом, а потом — отдай себе все дивиденды.

Они долго сидели молча. Музыка в клубе текла, как тёп-

лая смола, и слова становились липкими от бессмысленности. Джованни рассматривал игру света на стеклах бутылок, видел в них отражение тех лиц, которые скоро будут его спутниками в новой сцене: лица с улыбками, которые можно выставить в витрине, и глаза, чьи взгляды умеют уязвить.

— Знаешь, — проговорил он наконец, — я видел, как от неё все сходят с ума. Не знаю, правда ли это. Но если отец считает, что это укрепит нас — значит, так тому и быть. Но одной вещи я требую: контроль над тем, как всё будет выглядеть. Я не хочу быть просто марионеткой на их столе.

— Ты требуешь контроль, — повторил Маттео, — как будто это можно купить в магазине. Но ладно. Если ты попросишь — я помогу. Только не превращай себя в труп, Джи. Мы ещё многое должны успеть сделать прежде, чем наши фамилии начнут решать за нас.

Они подняли стаканы и чокнулись — жест, едва прикрывающий договорённость о том, что их жизни продолжают ходить по кредиту чужих решений.

Когда Джованни вышел на улицу, Рим был тих и пахнул влажной землёй. В небе светились редкие звезды. Он сделал шаг и почувствовал под ногами гравитацию нового порядка. Впереди маячила суббота — дата, которую отец уже по-

ложил на карту. И где-то глубоко, почти под слоем пустоты и рутинных удовольствий, у него забегала мысль: что если эта свадьба окажется не тем, чем ему её рисуют? Что если за ней стоят не только сделки и выгоды, но и те силы, которые умудряются менять судьбы, не спрашивая дозволения?

Он не знал тогда ещё одного: в этой игре появится не только невеста с лицом, что сводит людей с ума. Появится и тот, чья тень будет длиннее любой остановки сердца. И это будет не тот, кого он представлял. Но об этом — позже.

Пока же оставалось одно: готовиться к роли жениха, сыграть её и не забыть, кому он должен улыбаться. И конечно же свято верить в то, что он не влюбится в свою фиктивную жену и их брак продлится недолго...

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥️# Как вам глава?

Ну что же, Джованни открылся и с другой стороны, на просто клубного мужчины, но, и человека с чувствами.

Я думаю, что между им и нашей героиней не будет искры, а вы как считаете?

Завтра знакомимся с главной героиней##

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 3. «Золотая клетка»

Песня к главе: Billie Eilish — Bellyache

Где выход из моей клетки? И была ли я когда-то вообще вне её стен? Я сама их воздвигла. Хотела выбраться, начала строить мосты. Но мне оставалось только смотреть вдаль и мечтать, что я когда-нибудь окажусь по ту сторону.

Клуб Романтики

Сицилия просыпалась лениво и горячо — как дыхание большого зверя, который никогда не спит до тех пор, пока у него есть солнце, вино и секреты. В лучах раннего утра мрамор дворца Беллуччи отсвечивал пепельным золотом; ветви апельсиновых деревьев бились об кованые решётки, разносили сладковатый запах цветущей горечи. Ветер со стороны моря приносил отголоски волн и нечто более древнее — шёпоты, которые в этих местах считались голосами судьбы.

В доме Беллуччи всё держалось на ритмах и ритуалах. Здесь были свои часы — для обеда, для молитвы, для переговоров, для поклона. Алессандро Беллуччи — отец — носил власть как вторую кожу: спокойно, размеренно, без лишней жестокости, но с абсолютной уверенностью. Его имя значило бизнес, влияние и страх в глазах всех вокруг. Его пальцы

умели закрывать сделки так же легко, как и напрочь лишать человека выбора.

Магдалена проснулась раньше света. Её комната выходила окном на залив, и в утренней тишине, где только цикады стучали в начале дня, ей казалось, что мир вокруг — слишком большой; а жизнь её — слишком маленькая. Она встала, подошла к окну и уставилась на море, где бликовала линия горизонта, будто обещая простор, который принадлежал другим людям.

«Что значит — жить?» — думала она про себя, разглядывая пальцы, пока ладони не заполнились узорами старинных колец, подаренных когда-то отцом. «Жить — это значит выбирать, или это значит делать вид, что выбираешь, пока за тебя решают другие?»

В зеркале её лицо казалось едва обрамлённым: темные глаза, волосы как смола, губы, которые ещё не научились лгать. Магдалена знала, что люди видят в ней образ — ровно тот, что удобен для семейных договорённостей: тихая, послушная, красивая. Но внутри у неё горел другой огонь: жажда воздуха, книг, театров Милана, улиц, где можно идти одной и не отчитываться перед кем-то. Её сердце рвалось на свободу так же сильно, как пальцы тянулись к страницам запретных романов, спрятанных под матрасом.

Она верила, что сможет однажды покинуть Сицилию и поехать в город своей мечты — Милан.

Ужин в доме Беллуччи всегда был спектаклем: стол накрыт лучшим фарфором, свечи горели ровно, как маяки, а разговоры текли скользко, стараясь не сшибить тонкие грани приличий. За столом собралось всё, что нужно: деловые партнёры, старые друзья семьи, лица, которые умели слышать «нет» как вызов. А вот Магдалена сидела напротив отца — и между ними висело молчание, которое было плотнее любой ткани.

Алессандро поднял бокал — не в тост, а как в преддверии объявления. Его голос, когда он заговорил, не дрогнул. Он говорил спокойно, как человек, который раз и навсегда решил: ничто человеческое не удержит тот план, который вычерчен на чистом листе.

— Я нашёл подходящего человека, дочка— сказал он, и в комнате словно опустился плотный занавес. — Тебе уже двадцать три, пора начать семейную жизнь. В субботу ты будешь невестой Джованни Гамбино.

Магдалена почувствовала, как воздух в горле застыл, как у птицы, пойманной в сеть. Слова отца упали на неё не как

новости, а как приговор.

— Что? — выдохнула она, и это было больше рёва, чем вопрос. — Это невозможно. Я не выйду за него. Я не выйду за кого попало! Ты не можешь заставить меня полюбить незнакомого мне человека! Я выйду замуж за того, кого люблю всем сердцем, отец!

Лицо Алессандро оставалось бесстрастным, но его рука, сжатая на столе, дрогнула чуть-чуть — знак того, что внутри тоже произошло движение. Магдалена взяла в себя последнюю нотку гордости и не замолчала.

— Я не игрушка, чтобы вы меня продавали! — она встала со стула так резко, что серебро на столе звонко откликнулось. — Я не хочу быть очередной подписью в ваших бумагах! Я не пешка в твоих руках, отец! Я живой человек у которого есть чувства! Мы живем в современном мире и я никогда не выйду за того, кого не люблю.

Алессандро поднялся, и дом на мгновение замер, как будто ждя, чья воля окажется сильнее: воля отца или воля дочери. Он подошёл к ней — не с криком, а с холодом, который всегда страшнее. Его взгляд был как стальной штырь, вонзившийся в мягкую плоть её протеста.

— Ты не решаешь, Магдалена, — произнёс он тихо. — Решаю я. У тебя нет право выбора. У тебя нет своего мнения и своего голоса. Мне стоит напомнить, что ты — наша честь. Ты — продолжение рода. Ты будешь делать то, что полезно для фамилии.

Когда звук удара разразился по комнате, он прозвучал как звон стекла: пощёчина, нанесённая не в гневе, а как демонстрация: я — власть, и моя воля не обсуждается. Магдалена опустилась на стул, обжигала не только щека — обожжено было её достоинство. Слезы тут же ринулись, горячие и унижительные; она ушла, не озираясь, в своё крыло, босая, с платьем, дрожащим на плечах.

Комната ей казалась теперь чужой; коридоры будто удлинялись, двери становились лабиринтом, ведущим от мира, где ей были приказаны цели — к миру, где можно было делать выбор. Она закрыла дверь и упала на кровать: тяжелые портьеры затянулись вокруг, и оттуда, в тишине, слёзы превратились в тихие рыдания.

Врывается в комнату Летиция — младшая сестра, светлая и ещё не полностью оттаявшая от семейной железной руки. Она бросилась к Магдалене, обнимает её, пытается дать тепло, которое в доме часто заменяли формальностью.

— Сестра, — шептала Летиция, — не плачь. Мы решим что-нибудь... Мы сможем... разве нельзя как-то...

Магдалена посмотрела на сестру: в её глазах была такая чистота доверия, которой хотелось защитить любой ценой. Но именно это доверие делало Магдалену ещё более отчаянной. Если Летиция росла с думой, что мир можно подчинить улыбке, то Магдалена знала: улыбка — часто ловушка.

— Нет, — прошептала она, с усилием поднимаясь с кровати. — Нет, Летиция. Я не хочу, чтобы ты думала, что это норма. Я не хочу, чтобы наш род считал нас товарами. Я уйду.

— Уйти? — Летиция закричала, будто не веря своим ушам. — Куда? Куда ты уйдёшь? Ты ведь старшая дочь!

— Я не хочу быть дочерью только для того, чтобы служить бумаге, — ответила Магдалена. — Я не выйду за того, кого выбрал отец. Я не позволю, чтобы он закрыл меня в этой золотой клетке! Я устала, Летиция!

Сестра прижалась к ней, а Магдалена вдруг ощутила решимость, которой у неё никогда не было. Её сердце билось так громко, что казалось, слышит весь дом. Она поняла, что у неё остался только один шанс: **бежать**. Уйти из дома до

свадьбы, исчезнуть, скрыться в толпе, добраться до Милана, к театрам и улицам, где никто не будет подписывать ей приговоры.

Тем временем в соседней комнате Аурелия её мать, вела тихий, но отчаянный разговор с мужем. Её голос был наполнен не только тоской матери, но и расчетом женщины, понимающей цену сделки.

— Алессандро, — взмолилась она, — подумай о Магдалене. Она ещё молода. Мы не можем... Мы не должны отдавать её так, как ты говоришь. Гамбино — это слишком. Их методы... их мир — он иной. Я боюсь за дочь.

Алессандро смотрел на жену как на равного собеседника — не с жестокостью, а с железной уверенностью.

— Аурелия, — сказал он ровно, — я знаю, что думаю. Гамбино — это безопасность, доступ к рынкам, доли, решения, которые нам нужны. Дети растут, и нужно думать о роде. Магдалена — красива, умна, но вовсе не обязательная для личного счастья. Мы делаем это для дома. Ты это понимаешь.

— Но ведь это её жизнь! — упрямилась Аурелия. — Разве цена в виде судьбы дочери — это то, что ты готов платить?

— Иногда цена — необходимая мера, — ответил он. — Ты хотела лучшего будущего. Это — способ это обеспечить.

Она схватила его за руку, смотрела в его глаза, как бы пытаясь найти в них остаток того мужчины, которым он был вначале — не только глава, но и человек с сердцем. Но там было лишь понимание долга. Он отступил и, не сказав больше ничего, ушёл из комнаты — не в гнев, а в холодное принятие.

Магдалена слышала шёпоты, была уверена, что в доме уже обсуждают дату, место, клятвы. Её мир сжался до размеров одной мысли: бежать. Вечером, при звёздном небе, она запустила пальцы в карман и нажала на кнопку мобильного телефона — маленькая машина надежд и связи.

Калиста, подруга с её юности, услышала её голос с первого же слова — голос был в шоке, дрожащий и одновременно решительный.

— Калиста, — сказала Магдалена, — мне сказали — они хотят выдать меня за Джованни Гамбино. Я не смогу... Я не хочу это. Помоги мне. Сбежать.

На другом конце провода слышалась пауза, потом

вздох, в котором было и страх, и готовность.

— Что? — выдохнула Калиста. — Ты шутишь? Нет. Это — невозможно. Они криминальные авторитеты, они убийцы, Магдалена. — девушка была в шоке.

— Помоги мне, Калиста! Я не хочу выходить замуж!

— Хорошо. Мы придумаем. Возьми все нужные документы. Я решу этот вопрос. Я не позволю тебе стать рабыней этого ублюдка!

Голос Калисты был быстрой, практичной и неожиданно твёрдой нотой в этой бессильной песне. Её мечта о Милане — театры, мода, кафе и свет — всегда была живой, но теперь она горела не только ради себя: Калиста поняла, что помочь Магдалене — значит исполнить свою мечту хотя бы частично. Они давно хотели вместе уехать туда жить и кажется этот момент настал.

— Ты должна слушать меня внимательно, — сказала Калиста. — Сначала — успокойся. Скажи мне всё о планах, о том, когда свадьба. И просто знай: Джованни... говорят, что он — настоящий бабник. Он гуляет. Ему нравятся девушки, которые приносят ему вину и забвение. Не верь тому, что они говорят. Он — развратник, и он разрушает. Я слышала

— от женщин, от гостей на вечеринках: он не делает исключений. Он самый настоящий монстр.

Магдалена вздрогнула, услышав слова. Страх и отвращение смешались с облегчением: если Джованни действительно был тем, кем описывала Калиста, то это ещё больше убеждало её бежать.

— Тогда мы должны действовать быстро, — продолжала Калиста, как бы читая мысли Магдалены. — Я могу организовать всё: документы, лодку до материка, поезд до Палермо, а там — дальше. У меня есть знакомая в Милане, она может приютить тебя временно. Мы уедем ночью. Это риск, но риск — меньше, чем цепи. И не говори никому. Ни Летиции, ни матери — пока не будешь в безопасности.

— А если они поймают меня? — прошептала Магдалена.

— Тогда они рискуют сделать из тебя героя бунта, — ответила Калиста резко, — или труп. Ты понимаешь? Поймут — и отдадут нас по суду или подчинят. Мы не дадим им этого шанса. Я приеду к тебе через два дня. Подготовь всё, что сможешь унести. Одевайся как обычно — не вызываясь. У нас нет времени на драму.

Подруга на другом конце линии звучала теперь как коман-

дир, и в этой власти была надежда. Магдалена почувствовала, как внутри неё поднимается нечто вроде храбрости: решимость бежать, страх перед неизвестностью и странное ощущение освобождения.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я доверяю тебе.

— Тогда молчи и живи как обычно, — приказала Калиста. — Я приеду и всё устрою. И ещё одно: не позволяй людям думать, что ты удивлена. Они любят слабость. Мы будем сильными и тихими. Поняла?

— Да.

Они положили трубку, и тишина заполнила комнату. Магдалена лежала в темноте, прислушиваясь к своему сердцу. Оно билось быстро, но не от страха — от того странного, жгучего ощущения, которое приходит тогда, когда решаешься на побег: страх и свобода идут рука об руку. За окном Сицилия продолжала жить: апельсиновые деревья шуршали, цикады неустанно стучали, и где-то вдали лодки скользили по воде.

Её будущее теперь зависело не от отца, не от фамилии и не от чужих планов. Оно зависело от неё самой и от той дружбы, что превратилась в последний мост к свободе. Магдале-

на закрыла глаза, представляя себе свет Милана, шум улиц и запах кофе, который не был сладким от обещаний, а настоящим — вкусом выбора.

И в этот миг она знала:

путь будет тяжёлым, но он был её единственным шансом к свободе.

**Лучше бежать, чем оказаться в руках
ублюдка Гамбино младшего...**

От автора:

Всем приветик мои хорошие ♥# Как вам глава?

Как вам Магдалена?

Что думаете по поводу всего происходящего?

Неужели, Магдалена успеет сбежать до начала свадьбы?

Или же что-то пойдет не так?

Драма начинается уже с первых глав, я думаю вы понимаете, что дальше только интереснее##

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 4. «Побег»

Песня к главе: Michele Morrone - Purified

Можно подумать, побег в состоянии избавить нас от нужды мириться с собственной участью.

Чак Паланик

Невидимки

Несколько дней спустя — тёплых, гудящих от подготов- ки и тихих угроз — колонна Гамбино въехала на Сицилию. Машины свернули по узким дорогам, которые вели к побе- режью, и чем ближе они подходили к Беллуччи, тем более громко звучали шаги игры, которую затеяли старики.

Вальтеро выглядел сосредоточенным; Лаурина — как все- гда безупречно собранной; Риккардо — тихим наблюдате- лем; Маттео — с той самой ленивой улыбкой, которую при- выкли видеть в элитных залах и подпольных казино. Джо- ванни сидел на заднем сиденье в тишине: его голова была полна мыслей — о свадьбе, о роли, о том, как странно ощу- щать на себе взгляд отца, который только что положил на карту чужую жизнь.

Они прибыли — не как гости, а как легион, свиток вла-

сти, который пришёл взять то, что был обещано. Дворец Беллуччи стоял, как крепость, в золоте и мраморе; слуги уже строили дорожки, флористы украшали арки; по всему дому носились люди в строгих костюмах, под раковинами сверкали подносы с шампанским — готовился спектакль, где герои знали свои роли заранее.

Внутри дома тихо царил страх. Алессандро по-деловому принимал гостей, но внутри его взгляд был горяч — он не мог простить саму мысль об этом побеге. Слуги, которые утром заметили пустую постель Магдалены и закрытую с её стороны дверь, первым делом сказали об этом старику, и тот, не время теряя, приказал найти девушку и доложить. Сердце Алессандро сжалось от предчувствия: если слухи подтвердятся, честь рода будет запятнана — и он не разрешит этого.

Ночью, пока дом Беллуччи готовился к приёму и музыканты настраивали инструменты, Магдалена вышла из своей комнаты, как тень, шурша в шёлке. Калиста ждала её у старой оливковой рощи, где ветви плотно смыкались над тропинкой и скрывали беглецов от посторонних глаз. Они обе были в чёрном — не для траура, а для маскировки. Магдалена держала в руках маленький свёрток с документами и немного наличных, спрятанных между страницами её любимой книги.

— Ты уверена? — прошептала Калиста, и в её голосе слышалась и тревога, и пульс радостного страха.

— Уверена, — ответила Магдалена. Её глаза сверкали; в них была решимость и страх, словно огонь и лёд одновременно. — Я не собираюсь стать вещью в чужих руках. Я не хочу носить их улыбки в качестве покрывала над жизнью.

Они распрощались на мгновение — две минуты, чтобы обдать лица водой, спрятать волосы под шарфы и убедиться, что никого в коридорах. Затем они пошли в сторону порта — плана, который составила Калиста: лодка до материка, поезд до Палермо, далее — Милан. Две минуты до свободы.

Но свобода, как оказалось, была наглой и капризной гостью: контакт, который должен был ждать их у старой пристани, не явился. Небо над морем было чёрным, и только редкие фонари бросали узкие лучи на мокрую набережную. Девушки поджались друг к другу, слушая шёпоты прибоя, и в этот момент Магдалена поняла: **план сорвался.**

— Черт! — Выругалась Калиста, — у меня было предчувствие, что нас могут кинуть... можем, нам стоит вернуться? У нас есть в запасе еще немного времени, торжество будет вечером — проговорила подруга. — Может быть, они перепутали время? Или я найду другого человека, кто сможет нас

перевести.

— Нет, — сказала Магдалена, и голос её дрожал не от ужаса, а от того, что страх вдруг стал шире: — Вернуться — значит попасть под руку отца. Я не могу. Не сегодня. Если мы сбежали — значит назад дороги нет.

Они поймали машину проезжающую мимо, водитель кивнул, не спрашивая лишнего. Но вместо безопасного попутного транспорта им встретилось нечто живое и голодное. Машина остановилась; за рулём оказался мужчина с грубыми руками, тёмными бровями и взглядом, который не обещал ничего хорошего. В его улыбке была пустота.

— Куда, девочки? — спросил он медленно, как будто наслаждаясь моментом. — Ночь такая темная и холодная, для вас это может быть опасно.

Калиста попыталась говорить вежливо, спросить цену. Мужчина убеждающе заговорил о поездке к знакомым, как о помощи. Но когда Магдалена поняла, что ключ в замке повернулся не для их спасения, а для ловушки — было уже поздно. Мужчина вдруг схватил её за запястье, Калиста закричала, но тёмная дорога, усаженная старыми домами, работами и тенями, не отвечала на крики. Мужчина резко дернул дверь, втолкнул их в машину; руки Калисты цеплялись

за ручки, за одежду, но водитель уже шафёрил рельсы своего намерения.

В машине пахло бензином и дешёвыми одеколонами. Магдалена пыталась оттолкнуть дверь, открыть окно, но мужчина выхватил нож — не для нанесения раны, а для устрашения. Лезвие хрипло блеснуло в свете приборной панели, и тишина, которая последовала, была дурна.

— Тихо, — проговорил он жёстко. — Молчи и не рыпайся. Ты ведь не хочешь, чтобы я изуродовал твое красивое личико?

— Умоляю! Отпустите нас! Мы не те, за кого вы нас приняли.

— Порядочные девочки поздно ночью одни не гуляют. — Фыркнул он, намекая, что девушки сами виноваты, что попались ему под руку. — Я привезу вас к людям, которые мне хорошо заплатят.

Девушки были вцеплены в панике. Магдалена чувствовала, как сердце вырывается сквозь ребра; руки её дрожали, но мысль о побеге всё ещё пульсировала в ней. Она схватила сумку, пытаясь удержать документы и взять телефон, но водитель ударил её локтем, и встреча с холодной паникой стала

почти физическим мором.

Затем телефон водителя зазвонил — и голос, который он слышал, был голосом Маттео. За окном мелькнула редкая луна, и по дороге, усеянной крошечными лампами, мужчина разговаривал в трубку, хвалясь и смеясь.

— Слушай, — сказал он, улыбаясь, — подцепил пару телок у пристани. Ночь будет горячая.

Калиста попыталась вскочить и схватиться за руль, но мужчина схватил её за волосы и взяв нож приложил холодное лезвие к её шеи.

— Не выкрикивай, — шипел он. — Всё будет хорошо, если вы будете слушаться. Молчи или будешь платить кровью.

Магдалена, прижав руку к сумке, поняла, что надежда на спокойный побег рухнула. Паника смешалась с болью. Она молила о помощи, но берег был пуст, и ночной воздух глотал крик, не возвращая его эху. Поездка продолжалась, и чем дальше они ехали, тем сильнее ощущался клин между миром, который она знала, и миром тьмы, который надвигался.

Когда машина замедлилась у ворот роскошной виллы, в свете прожекторов показались фигуры: сильные мужские си-

луэты, машины с тонированными стеклами, огни и тени, как в кошмарном представлении. Водитель вышел, толкнул девушек к воротам, и тут, к ужасу Магдалены, раздались шаги — мужские смехи, шелест тканей и голоса. Их вытащили из машины грубо, толкнули к главным дверям. Калиста попыталась сопротивляться, но один из мужчин ударил её в живот, и она согнулась. Магдалена кричала, но кричать становилось всё труднее — голос словно терялся в гулком пространстве богатства и пошлости.

И затем, как молния в суровую ночь, перед ними появился Маттео. Девушки его совсем не знали. Он выглядел как человек, пришедший на театральную роль, но глаза его блистали другим светом — азартом и жадой. Рядом с ним стоял тот самый водитель; вокруг — несколько знакомых лиц из ночного города, парней, у которых было слишком много времени и слишком мало совести.

— Ну что, — проговорил Маттео с той самой ленивой усмешкой, — мне сказали, что здесь будут развлечения. Девчонки, вы прямо подарок. — смотрел он на них в полумраке, парень был немного выпивший, поэтому даже и толком не осознавал, что перед ним дочь Беллуччи.

Они толкнули девушек по ступенькам к вестибюлю; у дверей уже собрались гости низкой морали: мужчины в доро-

гих костюмах, лица, которые пили своё превосходство как шампанское. Магдалена почувствовала, как мир вокруг сжимается до размеров руки, готовой закрыть крышку гроба. В этот момент она отчаянно дернулась, попыталась вырваться из рук Маттео. Её пальцы схватили за рукав, ногти вонзились в ткань — и тут она услышала звук, который был как выстрел в ночи: крик её собственного имени.

— Магдалена! — раздалось рядом.

Она обернулась и увидела автомобиль, который врезался в свет как спасительный луч. Из него выскочил мужчина — высокий, чёрный в пальто, глаза блестят решимостью и гневом. Этот мужчина рванулся через ковер; его шаги были короткими, быстрыми. Он схватил Магдалену за руку и резко вырвал её из объятий Маттео. В его движениях был хозяин сцены, но голос, которым он кричал, ломал пространство:

— Отпусти её!

Это был Джованни Гамбино.

На секунду время застыло: Маттео — с лицом, где смешалось удивление и злость; водитель — с ножом, поднятым; мужчины — растерянные. Джованни стоял между ними, сжимая Магдалену за плечо, и в его глазах отражалась

смесь ярости, недоверия и чего-то иного — неожиданного для него самого: страх, что он увидел наяву ту девушку, чья фамилия вот-вот соединится с его, но не так.

— Что ты делаешь, Маттео? — прошипел он, и даже его голос заставил некоторых шагнуть назад.

— Я? — Маттео приподнял плечи, улыбка ломаная. — Я... они сами подошли. Я думал помочь.

— Помочь? — эхо этого слова разбилось о стены большой жизни. — Ты похитил их.

— Эй, чувак, — вмешался водитель, вытащив нож чуть сильнее, — никто их не похищал, они сами сели в машину!

Джованни сжал челюсти. Его пальцы на плече Магдалены были жестки — не от жестокости, а от инстинкта защитника. Магдалена дышала тяжело, её волосы липли к лицу. Когда фар светил прямо на неё, Джованни увидел — во всей всей её хрупкой, обожжённой красоте — лицо той, которую завтра должны были назвать его женой. Сердце его словно провалилось и одновременно подтянулось: она была ближе, чем он представлял, и все представления рухнули.

— Ты ведь Магдалена Беллуччи? — выпалил он почти

бесчувственно, хотя в голосе была нотка вопроса, который он не мог прогнать.

Она посмотрела на него, глаза её были полны смятения и ужаса — и только потом она кивнула слабым движением. В этот миг всё вокруг Джованни поменяло вес. Тот, кто только что был просто именем в бумагах и голосом отца, стал человеком, дыхание которого рвало его внутренний мир.

— Отпусти её! — повторил он, но теперь уже не только как приказ, а как упрёк: кому позволено брать чужую жизнь ради развлечения?

Маттео сделал шаг назад — смесь негодования и смущения промелькнула по его лицу; несколько мужчин тоже опомнились, узнав в Джованни не только гостя, но и сына Гамбино. Фраза «сын Вальтеро Гамбино» в этой ночи значила нечто большее, чем решение судьи. Буквально одним словом он мог создать пламя в их лицах.

Алессандро, который до этого был в доме и узнал о побеге благодаря крикам и возгласам прислуги, рванул наружу, размахивая кулаками: его гнев был тяжёлым, как старый камень. Он не мог представить, что дочь попала бы в такую ситуацию без последствий. Услышав, что на вилле скандал и что там стоит Джованни, он промчался к воротам, лицо бе-

лое от ярости.

— Это — бесчестье! — кричал он на весь двор, — кто позволил такое? Кто посмел похитить мою дочь?

Его голос прибыл как грозовой удар; слуги вокруг затрепетали. Алессандро бросился к месту, где стояла Магдалена, и на мгновение его взгляд встретился с её глазами. В этом взгляде было всё: любовь, что зашла в жестокую арену родительской власти; страх; дикая ярость. Затем он увидел Джованни и его захлестнула волна новой эмоции: возмущение, смешанное с презрением, — ведь семья, с которой он собирался связать свою честь, вот так вовлекла его дочь в опасный хаос.

— Как вы смеете? — бросил он в сторону Джованни, голос его резал как лезвие. — Это — мой город! Это — моя дочь! Что это за безобразие?

Джованни, держа Магдалену за плечо, посмотрел на Алессандро и не нашёл защитных слов. Он увидел в старике не врага, а человека, чей мир рухнул; и это заставило его отвлечься от собственной злости на Маттео.

— Я не позволю, — произнёс Джованни ровно, — не позволю, чтобы ей сделали больно. Слуги сообщили мне, что

ваша дочь пропала прямо перед свадьбой. И я приму ответственность за произошедшее. Но и вы не должны обвинять её. Она — жертва попытки. И я — тот, кто должен обеспечить ей безопасность.

Маттео пытался оправдаться, его тон стал резче; водитель прятал нож; мужчины растерялись: внезапно перед ними возникла сила, которую нельзя было легко купить или подкупить. Вальтеро Гамбино, услышав шум и видя сына, вышел наружу величаво, с тем взглядом, который способен был затмить многих. Он посмотрел по сторонам, затем на Алессандро — и в этот момент мир стал ещё более острым: союз, который должен был родиться утром, стоял на краю пропасти из позора и непредсказуемых последствий.

Вальтеро тихо сказал Джованни пару слов — они были слышны лишь им двоим, но в них была точность лезвия: «Верни её в дом. Рассмотрй этот инцидент. Сделай так, чтобы этот грех не разрушил нас». Джованни кивнул, и в нём одновременно зашевелилось что-то новое — чувство ответственности, о котором он раньше думал лишь как о слове. Он помог Магдалене встать, обвёл взглядом толпу и сказал чётко, держа её руку, как если бы уже обещал защищать:

— Везите их домой. И чтобы никто не выносил на публику то, что произошло.

Алессандро подошёл к дочери, взял её лицо в руки — не по-отцовски нежно, а скорее претендуя на то право, которое принадлежало ему: право решать. Его губы дрогнули, он хотел кричать, но вместо этого произнёс тихо:

— Ты слышала, что я сказал. Я найду тех, кто сделал это. И пусть им будет известно, что с Беллуччи шутки плохи.

Магдалена, прижавшись к груди, почувствовала как страх сменяется стыдом и облегчением одновременно. Она была спасена не потому, что мир вдруг стал добрее, а потому что власть имела свою скорость и силу. Но цена была высокой: доверие рушилось, сердца разбивались, и она понимала, что побег окончился лишь началом новой, гораздо более жестокой игры.

Она вернулась домой. Их сопровождали люди Гамбино. Девушка поднялась к себе и подошла к окну своей спальни. Теперь её дом, пахнул солью и слезами. Она посмотрела в темноту: город спал, но внутри неё пульсировала новая боль — осознание, что у неё теперь другая судьба, и что тот мужчина, который вытащил её из рук Маттео, уже переступил границу, став не просто именем в бумаге, а человеком, который вмещался в её ночной кошмар. Его лицо осталось в её сознании — неразмытым и острым, как резец.

Где-то далеко, в залах власти, Алессандро уже собирал своих людей: сыск, охрану, тех, кто умеет возвращать честь силой. Он клялся, что найдёт каждого, кто хоть думал причинить вред его дочери. И в ту же секунду Джованни чувствовал, что его собственная жизнь стоит на пороге — не только потому, что свадьба всё ещё неизбежна, но и потому, что теперь он видел в обличье Магдалены не марионетку, которой можно размахивать на светских вечерах, а человека, чья хрупкость и сила пробудили в нём чувства.

Ночь осталась тёплой, и море шептало о своих делах. Но в домах Беллуччи и Гамбино началась другая музыка — музыка планов, мести и новых обязательств. И в сердце Магдалены поселилось понимание: **она вырвалась из одной клетки, но попала в другую — куда более сложную и дорогую.**

— Сегодня последняя ночь, как я несу фамилию Беллуччи. И уже завтра, я стану частью семьи Гамбино. — проговорила Магдалена, смотря в отражение своего зеркала.

От автора:

Всем приветик мои хорошие ♥# Как вам глава?

А вот и уже первая встреча#### завтра будет интересно ##

Советую посмотреть клип к песне сегодняшней, там наш красавец Миккеле Мороне##

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 5. «Роковая встреча»

Песня к главе: Maka — El Dinero No Te Vale

У судьбы нет причин без причины сводить посторонних.

Коко Шанель

Накануне свадьбы дом Беллуччи пахал как завод эмоций: шелк, зубной порошок для фарфора, свечи, которые горели ровно, как приговор. На верхнем этаже, где окна выходили на море, в маленькой комнате с рюшами и старинным комодом сидели две девушки — Магдалена и Калиста. Сидели вполоборота к судьбе и молчали, пока тишина не стала невыносимой.

Калиста плакала первой. Слезы разрезали лицо, оставляя дорожки, и в том рыдании было всё — вина, испуг и раскаяние. Она обнимала подругу крепко, как будто могла вернуть прошлые часы и другой план.

— Прости меня, — шептала она в ухо, — я обещала... Я пыталась. Я договаривалась, но всё сорвалось. Я не смогла помочь тебе сбежать. Я не смогла... — Калиста винила себя. — Из-за меня мы чуть не попали в руки бесчестных людей,

что если бы там не оказался Джованни? Что бы тогда с нами сделали эти нелюди? И всему виной я.

Магдалена слушала и не судила. Её губы дрожали, но голос остался ровен, словно из глубины другого времени.

— Это не твоя вина, — сказала она тихо. — Такова жизнь. Такова моя судьба. Я молилась прошлой ночью. Просила Бога: если это угодно Ему, пусть Он поможет мне уйти. Я ждала знака. Знака не было. Значит, наверное, моя судьба — быть там, где меня ждут, — и это Джованни.

Калиста всхлипнула, отвернувшись, утирая лицо. Магдалена смотрела на неё, на её ширинку плеч, и в этом было что-то родное и жалкое. Она призналась:

— Он красив. Да. Но в нём столько надменности, он так высокомерен... Это совсем не то, что мне нравилось раньше. Я любила простых людей — тех, кто имеют руки, на которых видна работа, которые смеются просто так. Я любила тех, кто не носит маски и не утопает в шелках.

Калиста кивнула, но глаза её были полны решимости, и в том обещании слышалось, что она сделала всё, что могла. Они молчали, и комната наполнилась не только печалью, но и чем-то похожим на прощание с самим собой.

Когда подруга ушла. В дверь постукивали тихо. Вошла Аурелия — мать Магдалены. Она была в чёрном платье с тонкой золотой нитью на рукаве, её волосы были убраны, лицо спокойно и выверено, как маска. Она подошла к дочери и села на край кровати.

— Моя девочка, — сказала она, бережно глядя Магдалену по руке, — я знаю, как тебе тяжело. Но всё это — ради семьи. Ты должна понять: мы делаем это, чтобы дом не погиб. Чтобы твоя сестра и все остальные имели шанс, чтобы имя наше не погасло. Я понимаю твою боль. Но сегодня — день, в который многое решается. Когда-то я тоже так вышла замуж за твоего отца, мы родились в таких семьях, где у нас нет прав и выбора.

Её голос не был холодным; в нём слышалось и страх, и усталость женщины, которая долго живёт в мире, где каждая сделка — это выстрел в темноте. Магдалена смотрела на мать; в её взгляде было сочетание жалости и понимания, но в сердце — тоска.

— Мама, — прошептала она, — я не прошу тебя любить меня иначе. Но прошу хотя бы не закрывай глаза на моё горе. Не оставляй меня одну со всем этим.

Аурелия сжала руку дочери, поцеловала лоб и, не теряя достоинства, вышла. За дверью всё звучало натужно: последние приготовления, шаги прислуги, шелест платьев.

В это время в кабинете Алессандро развернулась другая сцена — сцена взрослых, для которых судьбы измеряются контрактами и рукопожатиями. Вальтеро Гамбино сидел напротив и смотрел так, как смотрят люди, чей взгляд сам по себе является инструментом.

— Прошу прощения за случившееся, — сказал он ровно, не отводя глаз. — Похищение — неприемлемо. Мои люди отвечают за дисциплину. Те, кто позволил себе такую вольность, понесут наказание.

Алессандро стиснул губы, но в его лице рождалось не только гнев; в нём было и облегчение, что судьба наконец принимает форму, и раздражение — за то, что честь семьи была поставлена под угрозу.

— В нашей семье честь — это священное, — отрезал он. — Я не потерплю позора. Но союз между нашими домами остаётся. Мы заключаем сделку. Вальтеро, пусть это будет крепкая связь: ваши ресурсы, наши каналы. Пусть брак станет рубежом нового мира.

Они жали друг другу руки — жёстко, как люди, которые знают цену слову, — и за рукопожатием скользила тень: сделки никогда не бывают чистыми. Плата — это всегда что-то, что кто-то теряет. В данный момент цена была чьей-то судьбой.

Когда мама вышла из комнаты, Магдалена поднялась и подошла к комоду, где лежало платье. Оно было не пышным — это не та невеста, которую украшали слоями фатина и корсетов. Это было платье по фигуре, кружевное, нежное, как обещание, которое никто не собирался выполнять. Она провела пальцами по шёлку, ощутила ровные линии кружева и подумала о том, как сухая ткань может так сковать дыхание.

Она раздевается, медленно снимая ночную рубашку, и в зеркале видит себя — невеста, которую ей навязали. Когда она стягивает с себя последние застёжки, оставаясь полностью обнаженной в комнату резко входит он — Джованни. Он появляется словно по прихоти: незначительный шаг, уверенный взгляд. Его лицо в ту минуту было скрыто полутенью, но в движениях был вызов: он знает, что владеет моментом.

— Что вы делаете? Пошли вон из моей спальни! — Со

страхом оборачивается Магдалена и прикрывает руками нагое тело.

— Ты уже без пяти минут моя жена, — сказал он, подходя ближе. — Тебе не стоит меня стесняться.

В комнате стало тяжело от его запаха и присутствия. Он не говорит красиво — его слова режут. Он подходит и проводит пальцами по её шее, по ключицам — жест, который рассчитан не на нежность, а на проверку границ. Его пальцы скользят ниже, и намерение читается в каждом движении — он хочет больше, чем имеет право. Еще немного и собирался коснуться набухшей, небольшой груди, розовые соски так и манили на грешные мысли.

Магдалена отдернула голову. Её глаза вспыхнули. Она подчинилась не трусости — а приличию, но когда он коснулся груди — почти прикоснулся — она дала ему пощечину. Удар прозвучал громко в тесной комнате, и на лице Джованни промелькнула удивлённая тень.

На секунду он молча смотрел на неё — и в его взгляде было всё: удивление, раздражение, и та холодная решимость, что принадлежит людям, привыкшим брать своё. Он резко прижал её к стене; ладонями охватил плечи, чтобы её движение стало невозможным.

— Мне нравится твое тело, очень возбуждающе выглядит, особенно твоя грудь. Люблю женские сиськи. Люблю напуганных девственниц.

— Убирайся прочь! — Стиснув зубы, прошипела девушка.

— Ты в моей клетке, — прошептал он низко, почти спокойно. — Ты уже принадлежишь мне. Я не позволю тебе уйти. И раз ты — моя, я сделаю с тобой всё, что пожелаю. Думаешь, что спасешься от меня? Твой отец продал тебя, как вещь, теперь ты моя. И первое что я хочу сделать с тобой, это жестко войти в твою киску, заставить тебя кричать и стонать от боли и наслаждения.

В его голосе не было страсти, там был расчёт. Это было заявление о власти, а не об обещании. Магдалена почувствовала, как горло сжалось от страха и от жара унижения. Она оттолкнулась и, дрожа, со слезами на глазах, посмотрела на него.

— Уйди, — сказала она — тихо, но с таким гневом, что он отступил на шаг. — Я не хочу тебя видеть! Пошел вон!

Он усмехнулся. Его улыбка была пустой.

— Правда? А вчера ночью ты будто нуждалась во мне и если бы не я, мой друг и остальные мужчины лишили бы тебя чести, ты хоть понимаешь чем бы это обернулось для тебя? Ты бы стала непригодна ни для одной семьи, твой отец тонул бы в позоре и единственный шанс спастись — убить тебя и он бы это сделал, ибо порочная дочь — позор для каждого отца.

— Лучше умереть, чем жить без любви.

— Любви не существует, Магдалена. Только холодный расчет. Перестань верить в сказки, ты уже не маленькая девочка.

— Любовь есть. Любовь – это свет и оно не может коснуться тех, кто поклоняется тьме. Поэтому уж точно не вам говорить о любви, синьор Гамбино!

— Раз я тьма, тогда я с удовольствием потушу твой свет, синьорина Беллуччи.

Он вышел из комнаты так же внезапно, как вошёл, оставив за собой след тёплого воздуха и холодного шока. Магдалена упала на кровать и заплакала. Это было не только от обиды; это был крик бессилия души, которая впервые поняла цену

своего выбора.

Утро было как отголосок грома. Всё дома сверкало, как будто ничего не случилось. Приглашённые гости начинали прибывать, уборщики ставили последние акценты, музыканты репетировали мелодии, которые должны были скрыть стук чужих сердец. Залы были усыпаны цветами; стекло хрустала играло в солнце, а официанты скользили, словно тени.

На церемонии, когда слово пастора отзвучало в зале, когда все взоры были устремлены в сторону молодожёнов, Джованни протянул руку, достал коробочку, и в свете люстр на его пальцах заблестел камень — не простой, а дорогой, тот самый бриллиант, который должен был стать символом союза. Он надел кольцо на тонкий палец Магдалены с такой ритуальностью, будто подписывали контракт. В зале раздались аплодисменты, шушуканье и вздохи — у кого от восторга, у кого от зависти.

Магдалена смотрела вниз, на руку, где теперь лежало холодное блеск-бесчувствие. Внутри — пустота, в глазах — слёзы, но лицо её было неподвижно. Вокруг — поздравления, улыбки, все дела шли по плану. Но она знала: её жизнь разбита. Это не тот выбор, о котором она мечтала; это не та свобода, которую она хотела. Её судьба теперь была запечатана в кольцо, и утром, когда приедет элита Италии, когда

будут речи, когда мир возьмёт их союз в свои руки — она поймёт, что брак — это не только платье и бриллианты. Это клетка с более утончёнными замками.

И когда хор мнений и оваций накрыл зал, в душе Магдалены осталась лишь одна мысль: как выбраться теперь — и кем она станет, когда цепи станут видимыми? Что ждёт её в семье Гамбино?

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥# Как вам глава?

Завтра свадьба и первая брачная ночь## будет горячо!

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 6. «Брачная ночь»

Песня к главе: Toxic - Sofia Karlberg

— Сколько раз краснеет в жизни женщина?

— Четыре раза: в первую брачную ночь, когда первый раз изменяет мужу, когда первый раз берет деньги, когда первый раз дает деньги.

— А мужчина?

— Два раза: первый раз — когда не может второй, второй — когда не может первый.

Фаина Раневская

Зал сиял как сердце пасты и золота: люстры отбрасывали россыпи света, цветы были уложены в гирлянды, и каждый звук казался важнее обычного — скрипы стульев, тихие смычки струн, шепоты людей, привыкших решать судьбы друг друга по взгляду. Вся Сицилия и значительная часть Рима, казалось, собрались под навесом, чтобы засвидетельствовать сцену, где две фамилии объединялись в одно обещание.

Калиста стояла в тени колонны, пальцы сжаты в кулак, глаза красные от слёз. Она наблюдала за Магдаленой — спо-

койной, изящной, словно статуя, которая вынуждена была улыбаться, — и не могла победить дрожь. К ней подошёл Маттео, скользя по гостям, со смешной, самоуверенной ухмылкой.

— Почему плачешь? — заговорил он тихо, почти по-приятельски. — Твоя подруга вышла за старшего сына Гамбино. Каждая девушка бы отдала всё за такое. Мадама Беллуччи — теперь мадам Гамбино.

Калиста глянула косо, остро:

— Гламур без сердца — это лишь витрина, — сказала она тихо. — Если нет любви, то весь этот блеск — пустая коробка.

Маттео усмехнулся, не поняв глубины её чувств, и отступил — развлечения на сегодня почему-то казались ему более важными, чем чья-то душа.

В стороне, где собрались матери и старшие, Аурелия встретила с Лауриной. Две женщины в чёрном обменялись оберегающими словами: одна — мать, чья печаль о дочери ещё тёпла, вторая — будущая свекровь, чья улыбка была ровной и рассчитанной.

— Она дорогая мне, — прошептала Аурелия, — как я могу знать, что это не ошибка? Я не смогла остановить Алессандро, как по мне, наша дочь еще очень молода.

Лаурина ответила спокойно, и в её голосе слышалась дрожь уверенности, привыкшей к расчетам:

— Магдалена попадает в дом, где её встретят достойно. У нас двое сыновей — я всегда мечтала о дочери. Она будет как родная. Джованни — достойный кандидат. Я обещаю — мы позаботимся.

Эти слова звучали как обещание — и как приговор. Аурелия кивнула, в её глазах нашли место и страх, и надежда.

Церемония была отрепетирована до дыхания: клятва, кольца, шепот священника, аплодисменты. Когда Джованни и Магдалена произнесли слова «мы будем вместе и в горе и в радости», мир вокруг на долю секунды остановился. Вальтеро подошёл первый; на короткий мигновень он наклонился и поцеловал щёку новой невестки.

— Добро пожаловать в семью Гамбино, — шепнул он, и этот шёпот был одновременно тёплым приглашением и холодным предупреждением. — Я сделаю всё, чтобы ты чувствовала себя как дома, Магдалена.

Её губы улыбнулись по привычке, но внутри всё сжалось от страха. В его словах слышалось что-то ехидное и при этом властное, Вальтеро обещал заботу человека. Магдалена осталась неподвижна, ей стало не по себе от своего новоиспеченного свёкра. Рядом сестра и Калиста прижали её к себе, шёпотом желая счастья, но в их глазах читался страх.

— Я верю, что ты будешь счастлива, — прошептала Калиста, и в словах прозвучало не столько убеждение, сколько молитва. — Я всегда буду рядом, всегда тебя поддержу.

Праздник продолжался до утра: танцы, шум, поздравления, смех, которого оно будто просило. Гамбино и Беллуччи улыбались напрокат, делали вид, что мир теперь в порядке. Но под маской веселья бушевала другая погода — погода расчётов и сделок, чьи последствия ещё предстояло посчитать.

Наконец, ночь сверкнула своим финальным аккордом, и молодожёны отправились в путь — в виллу, где должна была состояться их первая ночь как супругов. Машина скользнула по ночным улицам, и в салоне был тот особый, нелегальный покой — когда слова остаются не сказанными, и каждый думает о своих шагах.

Джованни не мог скрыть интереса. Его взгляд пожирал жену: она казалась ему одновременно диковинкой и обещанием. Он говорил тихо, но в его голосе слышался подтекст, который можно было прочесть как предупреждение:

— Я не ожидал, что ты так мне понравишься, — сказал он и попытался взять её за руку. Магдалена оттолкнула ладонь, уводя её к себе.

— Не трогай, — выдохнула она ровно.

Он улыбнулся уголком губ, но в улыбке была сталь.

— Ты не сможешь долго бежать от меня, Магдалена. Сегодня я не трону тебя, — сказал он, — но завтра ты принадлежишь мне, и мы вернёмся в Рим. Там всё будет иначе. Там ты никуда от меня не сбежишь.

Она посмотрела в окно, в чёрное пространство ночи, и в голосе её дрожало вовсе не волнение, а страх:

— Я не готова к брачной ночи. Я боюсь.

Его ответ был почти педагогичен, с ноткой издёвки:

— Нечего бояться. Ты взрослая. Я обещаю, что ты полу-

чишь наслаждение. Каждая мечтает оказаться со мной в постели, а ты хочешь отказать мне?

— Дай мне время, Джованни, — попросила она. — Дай мне не торопиться. Для меня это очень нелегко, я пока не готова.

Он хмыкнул, и в этом хмыканье звучало сомнение и требование:

— Нет. Я должен быть уверен, что ты чиста и невинна. Что если ты не девственница? Что тогда? Получается, что все это было зря? Ты же понимаешь, что человек такого статуса, как я, не может позволить себе жениться на девушке без чести.

Вопрос прозвучал как нож. Магдалена молча отвернулась. Её сердце стучало громко, как метроном. Ей было противно от Джованни и от его грязных слов. В её глазах он выглядел очень подло, она осознавала, что просто кукла для своего новоиспеченного мужа. Машина въехала на подъезд виллы; здесь свет был мягче, но атмосфера — только плотнее.

Власть мужчины и уязвимость женщины повисли между ними, когда они оказались в своём доме на ночь. Джованни без церемоний начал раздеваться — не демонстративно, а как тот, кто считает: сцена его, финал — его. Магдалена не

смотрела; она медленно, почти ритуально, сняла свою одежду, надев под платье простое кружевное бельё — не пышное, не театральное — скорее как напоминание о ценности собственного тела, которую её пытались отнять.

Она ускользнула в ванную и закрыла дверь. Тёплая вода — ожидание, и попытка смыть с себя ту ночь, что она не выбирала. Слезы смешивались со струями; в ней было столько ужаса, что даже дыхание казалось тяжёлым.

Тишина не продержалась долго. Джованни подошёл к двери ванной и начал грубо выражаться. Здесь снова стали звучать его требования, только теперь более острые — он требовал обещания, клятвы, публичного подтверждения её «чистоты», всего того, что для него означало контроль. Магдалена отвергла требования словами; голос её дрожал, но был твёрд.

— Я не дам тебе того, — прошептала она в щель двери. — Не сегодня. Не так. Я хочу, чтобы это было спокойно.

Тишина. Потом — удар по щеке. Он требовал её и пытался сломать её сопротивление, шепча, угрожая, поминая последствия, обещая наказания тем, кто ей помогал бежать. Он говорил, что она «его», что дом требует покорности, что честь семьи не терпит исключений. В его голосе было не ми-

молётное желание, а холодный расчёт — он хотел убедиться, что она понимает свое место.

Магдалена ответила слезой и тишиной. Её сопротивление было внутренним; прятала лицо под ладонью, как ребёнок в грозу.

— Ты обязана выполнять супружеский долг, Магдалена! — Джованни схватил её грубо за щеки и прижал к плитке. Он начал целовать её щеку, лицо, шею. Девушка плакала. Ей было противно от его прикосновений. Но, он не останавливался, его наглые губы впивались в её нежную шею, он царапал кожу зубами, после посасывал, тем самым оставляя засосы. Когда его левая рука полезла к её груди, девушка закричала, ведь он начал грубо сжимать груди, шепча что-то пошлое и грязное. Его пальцы полезли к её промежности, девушка начала сопротивляться, тем самым еще больше злила своего мужа.

— Пожалуйста! Не делай так! Мне больно! Умоляю! — Она громко плакала. Начала отталкивать от себя Джованни, он схватил её грубо за волосы и потащил на выход из душевой кабины. Он вытащил девушку в спальню, он кричал и ругался, Магдалена сжалась в позу эмбриона, только он хотел нанести ей удар ногой по животу, как дверь спальни резко открылась и на пороге появился Вальтеро.

— Какого черта, отец? — Джованни был в ярости.

— Убери от нее руки! — Вальтеро говорил сдержанно, но властно. Он не повышал тон, но от его голоса словно под ногами дрожала земля.

— Она моя жена!

— У тебя слишком громкий голос для первой брачной ночи, сын, — произнёс отец.

— Что ты вообще здесь делаешь, отец?

— Я привез кое какие вещи со свадьбы, и услышал... неподобающую сцену. Для Гамбино.

Слова были мягки, но в них читалась угроза, сделанная из стали.

Джованни дёрнул щекой.

— Ты кажется забыла, что это моя жена и она обязана выполнять супружеский долг.

— Это женщина, — твёрдо произнёс Вальтеро. — А зна-

чит, её нельзя ломать. Даже если кольцо на её пальце принадлежит тебе.

Пауза.

Тяжёлая.

Ужасно интимная.

Магдалена замерла, прижимая ладонь к губам.

Она слышала каждый голос. Каждую интонацию. Каждую вибрацию мужского напряжения.

Вальтеро у двери.

Джованни перед ним.

И впервые Джованни... отступил. Из страха и уважения.

— Уходи, отец, я её не трону, — выдохнул он, избегая взгляда отца

— Сам уходи, — тихо, почти шёпотом сказал Вальтеро. —
Оставь её на сегодня. Она должна отдохнуть и привыкнуть к тебе.

Это был не совет. Это был приказ.

Джованни сжал кулаки.

Но покорился. Он прошёл мимо отца, как непослушный подросток мимо учителя, и громко хлопнул дверью спальни.

Вилла погрузилась в тишину.

Несколько секунд — ни звука.

Потом — Вальтеро тихо подошел к невестке.

— Магдалена? — сказал Вальтеро тихим, хриплым голосом, он стянул с себя пиджак и накиннул на обнаженное тело девушки.

Она не ответила. Но он услышал её дыхание. Слезы текли по её щекам, она задыхалась от горечи, и в этот момент поняла одно: брак был заключён, но это не конец конфликта — это было начало новой тюремной обложки, где каждый вечер может стать полем боя.

— Никто не тронет тебя сегодня, — продолжил он. — И завтра. Пока ты сама не захочешь это. Это моё слово. И мой приказ.

Её сердце дрожало. Но впервые — не только от страха. В этом голосе было нечто, что не принадлежало свадьбе. Не принадлежало Джованни. Не принадлежало этой золотой клетке.

Он говорил как мужчина, который знает, как удерживать власть. Но не силу. А контроль.

— Спокойной ночи, Магдалена. Тебя никто не посмеет побеспокоить.

Тонкий, мягкий шёпот — и его шаги растворились.

Она привстала, аромат его дорогого парфюма одурманил её, она обернулась в его пиджак и не могла надышаться запахом. Магдалена поняла только одно:

Этот мужчина только что стал для неё опаснее мужа.

Но не угрозой.

Искушением.

От автора:

Всем приветик мои хорошие ♥# Как вам глава?

Что думаете по поводу всего происходящего?

Все таки брачная ночь не случилась## неужели, все закончится насилием?

Как вам поведение свекра?

Завтра должно быть горячо##

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 7. «Лишиться девственности» 18+

Песня к главе: Streets - Doja Cat

Девушки всегда изображают из себя запретный плод в эдемском саду. Но в том-то и беда, что они сами искушают, заманивают. И не вкусить – всё равно что низвергнуть свою жизнь в рутину сожалений. Поэтому все, кто может по кусочкам кусают этот плод. А потом приходит тот главный едок, надеясь, что его ждёт здоровый, сочный, спелый фрукт. Девушка выходит за него замуж. Первая брачная ночь. И что же остаётся этому бедняге? Огрызок. А дальше может быть два исхода событий: либо он бросает девицу, либо он дожирает оставшееся и сплёвывает косточки. И это относится как к телу, так и к душе. Душа девушки лишается девственности легче, чем тело.

Дэвид Лазба

От лица Магдалены:

Утром, я словно застыла перед зеркалом: на мне остались следы ночи — усталость, бледность, глаза, которые больше не искали света. Кольцо на моем пальце блестело, как напо-

минание о цене, которую мне пришлось заплатить — и о том, что завтра жизнь продолжится, но уже в новых рамках и своего рода заключении.

Я плачу молча, чтобы даже не слышали стены. То, что случилось ночью, не давало мне покоя. Я боялась Джованни, он был очень мне неприятен. Мне хотелось убежать, скрыться где-то в неизвестности, да так, чтобы никто меня не нашел. Внутри меня все смешалось, какая-то тяжесть и пустота, которые образовались от того, что у тебя отняли возможность выбора.

Я села у окна и смотрела на морскую линию. Внутри — шум: вопросы без ответов, предательство судьбы и моей семьи, что забрала у меня больше, чем могла бы отдать. Слезы текут медленно, горячо; каждая капля — как маленький приговор, который я выношу сама себе за то, что не сумела уйти.

Я не знаю, что ждет меня дальше, но мое предчувствие подсказывает, что впереди будет всё только хуже и как будто дело далеко не в Джованни...

Утро после свадьбы молодоженов приносит с собой натя-

нутые улыбки, обмен любезностями и конечно же все это прикрывается диким притворством. В доме Беллуччи и в доме Гамбино все играют роли. Гости прибывают, шепоты льются, как шампанское из хрустального бокала. Но для Магдалены мир стал двупластным: внешний — блеск, улыбки и комплименты; внутренний — пелена боли и пустоты.

Мысли её возвращаются к тому, что было ночью: не к физиологии, а к тому, как легко власть превращает «можно» в «надо», как тонко рушатся границы, когда рядом стоит человек, у которого есть имя, титул и право требовать. Она ощущает себя отгороженной от самой себя, как будто другой человек вошёл в её тело и оставил в нём пустоту.

Чтобы не сойти с ума от напряжения, она решается взять пиджак своего свекра и постирать его. Когда вешает пиджак на балкон, чтобы он высох на утреннем ветру, судьба снова подбрасывает ей неожиданную встречу.

— Доброе утро, Магдалена. — Слышит она голос своего свекра.

— Доброе. Я постирала ваш пиджак... — тихо говорит она, не проворачиваясь.

Он стоит в тени, обрамлённый ранним светом — Вальтеро

не входит, он лишь появляется в дверном проёме, как неизбежность.

— В этом не было необходимости, милая, — отвечает он без суеты, голос его ровен. — Наоборот, оставила бы след на моем пиджаке...

— След? — Она поворачивается и встречается с опасным взглядом.

— Я про аромат. Люблю запах женщин.

Его ехидная улыбка действовала на неё как холодный ветер. В её груди что-то отозвалось: шок, отвращение и странное, едва уловимое любопытство. Вальтеро — чужой и одновременно тот, чей взгляд умеет разрезать людей пополам. Он смотрел не так, как делал это Джованни; там не было наглости охотника, там было спокойное владение ситуацией и миром.

— Если Джованни снова применит силу, — тихо добавил он, — скажи мне. Я быстро поставлю его на место.

Её губы дрогнули. Она едва сдерживала слёзы.

— Я не смогу спать с ним, сэр, — произнесла она почти

шёпотом, и в её голосе слышался страх, больше похожий на признание.

— Ты должна сделать это до отъезда в Рим, — сказал он ровно, — завтра мы едем. Гости должны увидеть, что ты была чиста. По приезду в Рим тебе не придётся так часто подчиняться. Понимаешь?

Её сердце подскочило от обиды и унижения. Руки будто бессильно опустились. Она верила, что Вальтеро ей поможет, но кажется, она очень ошибалась. Медленная и предательская слеза упала и сползла по щеке. Вальтеро подошел ближе, он приподнял её лицо за подбородок и большой палец нежно, но с властной решимостью, стер её слезу — и на холодном кончике его пальца остался солоноватый вкус, который он попробовал на её глазах, прежде чем уйти. Он ушёл так же бесшумно, как появился, оставив за собой дрожь в воздухе.

Магдалена стояла на балконе, руки дрожали, и в груди её рвалась пустота.

«Он попробовал мою слезу на вкус... кажется, я нахожусь в дурдоме...» — подумала девушка.

Этот палец, этот взгляд — всё смешалось в одну картину:

люди в этом мире умеют прикасаться к тебе не только телом. Они прикасаются к твоей судьбе.

Чуть позже, новоиспеченная семья поехала в гости к семье Беллуччи. За столом сидел Алессандро — строгий и нервный, Аурелия — с фальшивой улыбкой, Летиция — нервно перебиравшая вилку. За соседним столом разговоры текли по привычным руслам — Алессандро и Вальтеро обсуждали пункты договора, зоны влияния, счета и гарантии. Аурелия вела вежливую беседу с Лауриной, стараясь вытянуть из неё обещания и тепло для дочери. Слова были благие, жесты — договорными.

Магдалена молча сидела, еле удерживая чашку между ладонями. Возле неё подсел Риккардо, брат Джованни — молодой человек с мягким взглядом и приличным образованием. Он заговорил первым, не зная, какие шрамы скрываются под её улыбкой:

— Добро пожаловать в нашу семью, — сказал он мягко, — я уверен, тебе понравится у нас. Я понимаю, что для тебя все это неожиданно, но, поверь в наших семьях — это норма. Я уверен, что между тобой и Джованни вспыхнет любовь. Вот увидишь.

Магдалена улыбнулась сквозь боль — эта улыбка была режущей, как обломок стекла. Она не ответила словами; внутри неё созрел ответ, который она не произнесла: «Если у вас есть дом, то он для меня — клетка. Если у вас есть имя — то оно для меня — кандалы». Но эти слова остались внутри.

Джованни не сидел за столом с ними — он в этот момент находился в сигарной комнате с Маттео, и разговор двух мужчин был откровенным и циничным. Они обсуждали то, что должно было быть между супругами: беседы о «том, что она не отдалась», «что нужно убедиться», и советы «будь с ней нежнее». Со стороны это звучало как деловой план, где человеческое становится пунктом в чек-листе.

Магдалена, чтобы заглушить тревогу и дрожь, пила вино — много вина. Красный цвет в бокале смешивался и с её кровью, и с болью. Алкоголь притуплял края, но не стирал суть. Он делал яснее то, что она давно не хотела видеть: мир, где цена ее выбора — равна цене бумаги и печати отца.

Ночь опустилась, семья Гамбино решила остаться ночевать в доме Беллуччи перед своим отъездом в Рим. В доме осталось только тихое эхо музыки и тусклые свечи. Магдалена поднялась по лестнице; в спальне уже дремал дом, но ей было не до сна. Она легла в кровать и не могла сомкнуть глаз. Джованни вошёл спокойно, почти без шума. Он лег ря-

дом, обнял её. Она пыталась сопротивляться его объятиям, но, в моменте отступила, вино в её крови дало о себе знать.

— Прости меня, Магдалена. Я повел себя некрасиво и грязно. Такое поведение непозволительно. Я просто не смог удержаться перед такой красотой. Похоть взяла надо мной вверх.

Она повернулась на бок и их глаза встретились. Он провел пальцами по чертам её лица.

— Неужели, я совсем тебе не нравлюсь? – Спросил брюнет.

— Ты красив внешне, но, твоя душа — она уродлива. — Сказала Магдалена, сама от себя не ожидая. Джованни слегка улыбнулся.

— Возможно, ты права. Но, позволь мне коснуться тебя так, как касается любящий мужчина своей женщины в первую, брачную ночь. Если ты попросишь меня остановиться, я остановлюсь.

Она позволила. Было ли это влияния вина, или все таки усталость от борьбы за свое право быть свободной или вовсе это слова ее свекра, что она должна сделать это до отъезда

в Рим.

Губы Джованни коснулись ее губ. Он целовал её медленно, нежно, долго. В какой-то момент, низ её живота приятно заныл. Мужские руки бродили по её телу, он стянул с нее ночную сорочку, пальцами он нежно коснулся её девственной груди. Она прикрыла глаза, так как ощутила эти вибрации по всему телу. Когда язык Джованни коснулся торчащих сосков, Магдалена томно застонала, запуская пальцы в его волосы. Он начал настойчиво посасывать девичьи груди, тем самым еще сильнее возбуждая её.

Первые прикосновения мужчины заставили её почувствовать необъяснимые ощущения. Все её тело словно загорелось пламенем, температура поднялась, а между ног стало влажно.

Он отпустил её грудь и его губы скользнули ниже, оставляя влажную дорожку вдоль её пупка, Джованни оказался между её ног.

— Джованни... — она пыталась отстраниться, стыд накрыл её. Но, мужчина её схватил за бедра.

— Тебе понравится. Расслабься. — Она раздвинула ноги, понимая, что уже не управляет своим телом. Похоть и

соблазн взяли над ней вверх. Губы Джованни коснулись её влажной промежности.

Стыд и наслаждения накрыли её с головой.

— Боже... — Она выгнулась. А его язык слегка проник внутрь её девственной дырочки. — Джованни! — Она сильнее сжала его волосы пальцами.

Он усмехнулся и продолжить вылизывать её розовую киску, которая манила на самые развратные мысли. Джованни остановился, он резко привстал, его глазам нравилось то, что он видел.

Обнаженная, возбужденная и жаждущая его члена. Старшая дочь Беллуччи оказалась намного красивее и горячее, чем он себе представлял.

«Как жаль, что Маттео не видит того, что вижу я...» — проговорил он в своих мыслях, понимая, как сильно ему будет завидовать друг, когда узнает подробности.

Он привстал и устроился между её ног. Его член уже был готов поскорее погрузится в её лоно. Но, сначала он водил своим кончиком по её промежности, заставляя её тихо стоять и извиваться под ним.

— Ты ведь хочешь, чтобы я вошел в тебя, Магдалена?

— Хочу... — дрожащим голосом, ответила брюнетка.

— Я буду нежен... — он остановился у её входа.

А после медленно вошел в нее, сначала наполовину, а потом он толкнулся и проник еще глубже.

Магдалена закусила губу и зажмурила глаза. Тупая боль пронзила ее, но, возбуждение было таким сильным, что эта боль будто добавляла острых ощущений. Он навис над ней, они оба смотрели друг на друга. Он двигал бедрами, плавно и медленно, давая ей привыкнуть к его размерам.

Магдалена горела словно в огне, с ней происходило что-то необъяснимое, она напрочь потеряла над собой контроль.

Его распирало изнутри, он смотрел как она закатывала глаза и стонала под ним, он обладал ею, каждой клеточкой, каждой мыслью.

Она принадлежала ему одному.

— Джованни... — прошептала она и отдалась наслаждению, которое накрыло ее с головой, пока он толкался в нее,

входя и выходя из нее.

Она отдалась ему полностью... он стал ее первым мужчиной, тем кто получил её плоть, душу и сердце. Она обхватила бедра Джованни, низы их животов изящно скользили, сливаясь воедино. Она ощущала его потребность в ней с каждым ударом. Ее тело было готово, чтобы наконец-то получить эту желаемую и запретную дозу безумия. Он впился жадно в её губы. Она прижалась к нему еще сильнее. Он зарычал и ударяя бедрами сильнее, посылая в ее промежность вспышки удовольствия, объединяя их души воедино.

Она застонала громко ему в рот. Все ее тело накрыло потоком волны самого яркого и незабываемого наслаждения. Тело содрогалось от получения новых ощущений и эмоции.

Он вышел из нее и белая простынь покрылась бледно-красными пятнами. Он улыбнулся увиденному и начал изливаться ей на живот. Тяжело дыша, Джованни упал рядом с ней и прижал девичье тело к себе, заключая в объятия.

— Это было очень красиво... — прошептал он, целуя её в макушку.

«Свела с ума... я не успел опомниться, как все это

**произошло... я не планировал влюбляться, но, ты за-
ставила меня в тебя влюбится.**

**
**

**Я ведь обещал себе, что не влюблюсь в тебя, но
оказавшись с тобой рядом, почувствовав твой запах и
нежную плоть, увидев твои глаза, наполненные стра-
стью и возбуждением — я поддался...**

я не смог устоять...

ты оказалась сильнее,

чем я ожидал...»

Джованни Гамбино

**

**

От автора:

**Всем приветик мои хорошие♥# Как вам глава?

Что думаете?**

Неужели, Джованни что-то начал испытывать?

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 8. «Последствия»

Песня а главе: The Hills - The Weeknd

Никто не скажет, верно ты поступил или нет, пока не столкнешься с последствиями.

Атака титанов

От лица Магдалены:

Сегодня я переезжала в Рим, я долго не могла попрощаться со своей семьей и подругой. Внутри все разрывалось на части, ведь все случилось слишком быстро и резко, я даже не успела опомниться, как уже стала частью семьи Гамбино.

Я чувствовала себя как вещь, с которой распорядились. Каждый взгляд гостей, каждая поздравительная реплика — ещё один гвоздь в крышку моего внутреннего гроба. Как вы уже поняли, гостей было много с утра, так как сегодня мы покидали Сицилию.

Внутренний голос твердил: «Ты пережила первый удар. Теперь у тебя есть выбор — сломаться или превратить рану в оружие».

Я ощутила чувство, которое будет вести меня дальше: тихая, но стальная закалённая решимость не дать больше ни одному человеку решать её судьбу окончательно. Я знала, что цена уже заплачена - но плата не должна определять всю мою жизнь. Сейчас же мне оставалось пережить утро, улыбнуться гостям и сыграть роль, которую от меня требовали мир и фамилии. Это - начало моей внутренней битвы; и хоть ночь забрала у меня невинность, она не отобрала у меня возможности стать голосом собственной судьбы.

Утро Магдалены началось так, будто ничего не изменилось. Солнце лениво скользнуло по карнизам спальни, и город проснулся привычной суетой: гул машин, звон трамваев, итальянские реплики, как ноты в утренней симфонии. Но в комнате Магдалены было совсем другое: тусклый свет пробивался через плотные шторы, и от него всё казалось ближе и холоднее, чем прежде.

Она проснулась одна. Джованни уже не было рядом — его место в постели было пустым и ещё пахло его сигарой и парфюмом; запахи, которые теперь плотно переплелись с памятью ночи. Магдалена лежала неподвижно, как будто попробовала удержать в себе что-то, что ускользнуло. В голове шумело: фразы, прикосновения, тот момент, когда её тело пе-

рестало быть только её. Тело дрожало — не от простого холода, а от глубокой внутренней тряски.

Она поднялась, и первым делом направилась в ванную. Вода хлынула горячей струёй, била по коже, смывая макияж и следы ночи — но не стирала другого: памяти, того, что случилось, осознания, что однажды ушла часть её выбора. Слезы смешивались с водой; она не пыталась остановить их. Слезы текли по щекам, ни к чему не призывая; в них была вина, боль и мягкое пробуждение ненависти к себе — за то, что не смогла уйти. Но за всеми этими чувствами тянулась ещё одна мысль, почти шёпот: «Иначе и быть не могло». И эта мысль разрывала её.

К обеду прибыл прощальный ритуал: объятия, поцелуи, слова «береги себя» и «мы скоро увидимся». Родители Магдалены держались ровно — Аурелия стиснула губы, Алесандро сказал что-то суровое и деловое, полное уверенности, что честь восстановлена. Слова эти были обязательными. Семья Гамбино уехала в колонне чёрных автомобилей, багрово сверкающих в Сицилийском свете.

В Риме Лаурина вела Магдалену по коридорам роскошного особняка их семьи, показывая комнаты, залы и детали: «Здесь библиотека, здесь — кабинет, а это — спальня молодыхёнов». Её голос был ровным и тёплым, как у хозяйки, по-

казывающей будущее, которое она посчитала совершенным. Комнаты были большие, украшенные тканями и тканью власти; всё пахло кожей, старым деревом — то, что считалось «домом людей со статусом».

Она осталась одна в своей комнате, распаковывала чемоданы на фоне новых простыней и зеркал — вещи казались чужими, как и та роль, которую на неё возложили. Она переписывалась с Калистой: короткие фразы, эмодзи, которые не могли вместить страх и пустоту. Она писала о том, как ей холодно в новом доме, о том, как стены кажутся слишком большими и слишком наблюдающими.

Лаурина уехала по делам; Джованни и Маттео уехали тоже — по каким делам ей не объясняли; Риккардо отбыл на переговоры, чтобы «сгладить вопросы» семьи. Дома оставался только Вальтеро — по плану это было удобно и логично: хозяин дома следит за домом. Но Магдалена об этом не знала. Ей показалось, что она осталась одна.

Она спустилась на кухню, готовить себе кофе — что-то маленькое и человеческое в этом огромном доме. В этот момент раздался её телефон: звонок от Калисты. Поражённый, добродушный голос подруги сразу ринулся в вопросы.

— Я не смогу и дня прожить без твоего голоса и наших

сплетен, Магдалена... — с грустью проговорила подруга.

— Мне тоже тебя очень не хватает, Кали...

— И как ночь прошла? — Калиста заговорила, не давая ей отдышаться. — Ты скажи как есть. Чем больше подробностей, тем лучше. У Джованни большой член? — она хихикнула

— Боже, Калиста! — Магдалена еле сдержала смех.

— А что? Мне ведь интересно узнать размеры...

— Обычный...

— Что значит «обычный»? Какой он? Длинный? Худой? Толстый?

— Калиста! — Магдалена не выдержала и рассмеялась. — У него нормальный член. Все.

— Ладно, не буду давить на тебя. А как прошла ночь? Какие были ощущения? Он был нежен с тобой?

Магдалена остановилась у кофемашины и ответила честно и коротко.

— Больно. И... было и приятно, и страшно. — Слова вывалились тихо, как будто она сама боялась их услышать.

— Может, ты влюбишься? — голос Калисты прозвучал где-то с другой стороны — искренний, наивный и немножко злой от зависти. — Ты ведь красивая, он мог бы преодолеть себя. Да и Джованни ничего такой, завидный был холостяк...

Магдалена улыбнулась горько и отрицательно покачала головой. Ей сейчас нелегко было думать о любви — это слово звучало чужим и далеким.

И тут Калиста добавила то, что заставило её сердце сжаться — на громкой связи, без предисловий:

— Я смотрела фотографии со свадьбы, которые делала на свой телефон. Ты знаешь, твой свёкор — Вальтеро... он на них как-то странно на тебя смотрел. Не просто свёкор на невесту — это было что-то другое. Глубже. Не знаю, как объяснить. Станный у него был взгляд, обычно, так смотрят на женщину, которая нравится.

У Магдалены по спине пробежал холод.

— Калиста, это полный бред...

— А может замутишь со свекром? — Рассмеялась подруга на том конце.

— Ты сходишь с ума... извини, но мне нужно идти. Я наберу тебе позже. — Она отрезала разговор, меняя тему, извиняясь и заканчивая диалог — не готова обсуждать это, не хотела мыслей о том, кто, как и зачем смотрит на неё не «как на невестку».

Она готовила кофе, руки дрожали. В этот момент из-за спины раздался голос — низкий, мягкий и знакомый. Она обернулась и пролила горячую жидкость на стол: кружка скользнула, кофе разбрызгался, тёплые капли попали на пол и на её платье. Сердце мигнуло, и она увидела его — Вальтеро — в дверях кухни. Он стоял спокойно, как тот, кто не удивлён, что вошёл в её утро.

— Калиста права, — сказал он и улыбнулся так, что в улыбке не было злобы, а была прежняя, отточенная уверенность. — Я смотрю на тебя необычным взглядом.

Магдалена вздрогнула, пальцы сжались на краю стола, и она не сразу нашла слова.

— Вы подслушивали? — спросила она, пытаясь снизить

голос до равнодушия.

— Нет, — ответил он легко, будто они разговаривали о завтраке. — Я просто проходил мимо.

Она, всё ещё держа в руках кухонное полотенце, пошла за ним. Он уже поднимался по лестнице в кабинет — без суеты, без намёка на том, что он только что стоял в дверях. Дорога до кабинета была тишиной; слова, что висели в воздухе, были громче шагов.

— Что происходит? Я ведь ваша невестка! — спросила она, когда они вошли. — Что значит, «Калиста права»?

Кабинет был большой, тёмный, с массивным столом и креслом, где видимо принимались решения. Он подошёл к столу, разлил себе виски в хрустальный бокал и сел так, как садится человек, который привык представлять мир в своих цветах.

— Я смотрю на тебя как на женщину, — сказал он спокойно и без улыбки. — Красивую женщину. На женщину, которая пробуждает во мне что-то необычное.

Магдалена почувствовала, как её голос застрял в горле. Её ноги подогнулись, и она обопрлась о край стола.

— Тогда зачем вы позволили своему сыну жениться и разрушить мне жизнь? — она уже не скрывала слёз — слова рвались наружу острыми осколками боли. — Почему вы не защитили меня? Почему вы так поступили?

Он отхлебнул виски, медленно, будто каждое движение было отточено на века, и в его ответе не было сочувствия — было нечто куда более опасное:

— Потому что ты вызвала во мне дикий интерес, — сказал он, и в его голосе не было ни стыда, ни оправдания. — Я был причиной вашей свадьбы. Я хотел видеть именно тебя на пороге моего дома.

Слова упали в кабинет, как тяжёлый предмет. Магдалена отшатнулась, как человек, которого ударили не в лицо, а в самую суть — в голос. Ей никогда не казалось, что её выбор можно было бы определить чужим интересом, что её судьба — это не результат чьей-то логики, а потребность. Она почувствовала охватившую её пустоту и отчаяние.

— Вы — причина? — прошептала она. — Вы... вы жертвуете мной ради игры? Ради интереса? Разрушаете невинную жизнь?

Он усмехнулся, но в усмешке не было доброты. Его глаза были хищными, но не грубыми; скорее — холодно-расчётливыми.

— Я захотел тебя, захотел стать твоим хозяином, — произнёс Вальтеро почти смиренно. — Подобные желание у меня появляются крайне редко, но, если я что-то захотел — оно у меня будет.

Магдалена чувствовала, как мир вокруг сжался: стены кабинета, стол и кресло — всё стало чужим и резким. В её голове пронеслась буря мыслей: предательство отца, холодный расчёт Вальтеро, чья-то игрушка, чьё-то развлечение. Всё это смешалось в одно — ощущение, что она стала объектом, а не человеком.

— Как вы могли? — едва выдавила она.

Он сделал глоток виски, как будто запивая свои слова, затем ровно сказал:

— Я не могу любить так, как любишь ты. Я не про любовь, но я знаю цену желаний, и я действую по ним. Ты — красива. Ты — ресурс. Ты — соблазн. Я — тот, кто знает, как использовать это.

Её глаза наполнились слезами. Она хотела кричать, ругаться, обвинять — но слова были бессильны перед его спокойствием. Вальтерो встал и подошёл ближе; он не трогал её, но его присутствие было давящим, как тень большого зверя. Её горло пересохло, и слова пронзили воздух, как нитка, на которой висела она сама.

— Что вы от меня хотите? — спросила она тихо.

— Чтобы ты поняла свою роль, — ответил он мягко. — Чтобы не мешала тем, кто умеет править. Чтобы принимала то, что дают. В будущем — возможно — тебе многое дадут. Но сейчас ты должна понять: твоё место — там, где я скажу.

Он отвернулся и, не дожидаясь ответа, вышел из кабинета. Его шаги быстро стихли в коридоре, оставив после себя горечь и вдруг выделявшееся понимание: она попала в точку, где власть диктует не только сделки, но и чьи-то желания.

Магдалена осталась у стола, сжимая ладони в кулаки. В её душе зажглась искра, тонкая и тёплая: чувство предательства углубляло решимость. Она поняла, что не просто потеряла невинность — она оказалась в сети, сплетённой не только законами и контрактами, но и личными прихотями тех, кто считал себя вправе решать судьбы.

Магдалена, с влажными глазами и дрожащими пальцами, подходит к окну. Рим лежал перед ней — огромный, шумный и чужой. Ветер трепал занавески, как бы напоминая: мир идёт дальше. Но теперь её путь стал другим: внутренняя борьба началась, и эта борьба обещала превратить трещину в щит — но позже, не сейчас. Сейчас ей оставалось скрыть свою боль и найти способ жить среди тех, кто уже сделал её частью запретной и опасной игры...

«Она стала игрушкой своего свекра ...»

От автора:

Всем приветик мои хорошие ♥# Как вам глава?

Вы в шоке? Я в шоке...

Что будет дальше?

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 9. «Прикосновения»

Песня к главе: Dean Raven - Show me

Всё рождается из малого. Наша любовь родилась из одного нечаянного прикосновения.

Эльчин Сафарли

Я вернусь

Сад при особняке тянулся к морю зелёной лентой: кипарисы и оливы, террасы с мраморными статуями и дорожки, запорошенные опавшими лепестками. В утреннем свете всё казалось мягче — даже власть, которая здесь жила, становилась тенью, чуть более терпимой. Магдалена вышла в сад, потому что воздух здесь был будто единственным местом, где можно было попытаться дышать полной грудью.

Она устроилась на лавочке у розового кустарника; кто-то из слуг принес ей чашку слабого чая. Работа в саду была медленной и тёплой, как воспоминания, и Магдалена позволила себе минуту внешнего спокойствия. В тенёчке хозяйничала Поварица — женщина с руками, закалёнными годами работы у богатых семей. Жёлтая косынка, морщины и взгляду, что привык к чужим слезам и радостям, сделали её лицом, которому хочется довериться.

— Вы одна? — спросила повариха, она работала на веран-де, месила тесто.

— Пока что одна, — ответила Магдалена, и в её голосе слышалось то, что она сама ещё не осознавала: усталость, тревога и неумение прожить этот день так, как будто ничего не случилось.

Женщина представилась — Чечилия. Она говорила спокойно, с улыбкой. Говорила о тратах на кухню, о том, как в доме меняется меню, когда приезжают гости, о капризах господ и суете слуг. Магдалена слушала и, в какой-то момент, решилась спросить о Вальтеро. Имя хозяина дома висело в воздухе как тяжелый дым, и она стремилась знать правду, хоть и боялась услышать её.

Чечилия взглянула на неё так, будто взвесила и блюдо, и судьбу.

— Синьора, — сказала она тихо, — господин Вальтеро — человек сложный. Он нежный с теми, кого считает своими, и холоден с теми, кто мешает. Люди о нём шепчут по-разному. Была у него одна любовная история, но о ней умалчивают... — женщина сделала паузу, — бывшая его любовница... да, ходили слухи. Молодая была, красивая. Пропала однажды.

Люди говорили... шептались, что это было не случайно, а рук Вальтеро. Я сама не видела. Но в доме такого рода шёпоты не рождаются из пустоты.

Слова упали на Магдалену, как холодный дождь по раскалённой плите. В её груди что-то переклинило: память на минуту взмолилась, чтобы вернуть другое решение, другой путь. Она остолбенела: тут, в этом саду, где было так мирно, шум внутренней тревоги стал громче любых голосов.

— Вы думаете, он может быть опасен? — спросила она, губы её тряслись.

— Он опасен для тех, кто посмеет его обидеть, — ответила Чечилия, и в этом голосе был опыт женщины, которая не советует, а предостерегает. — Держитесь от него подальше, синьора. И слушайте своё сердце.

Магдалена кивнула, но кивок был ветром — слабым и бессильным. Она поблагодарила женщину и осталась одна с мыслями, которые теперь словно стали более острыми.

Тем временем в одном из ресторанчиков на набережной, где подают свежие моллюски и вино льётся рекой, Джованни

и Маттео сидели за столиком у окна. На них смотрел рассвет Рима и случайные прохожие — жизнь тех, у кого всегда есть завтра. В тот момент к ним подошла Наталина — та самая красивая блондинка, не забывшая свою роль и право на притяжение.

— Я не хочу верить слухам, — сказала она, садясь без приглашения и отбирая сигарету у Маттео. — Ты правда женился?

— Да, — сухо ответил Джованни.

— Как ты мог? — в её голосе гуляла рана и претензия. — А как же мы и наша любовь?

— Ты думала, — усмехнулся он, — что я когда-нибудь женюсь на тебе? Ты хороша в роли любовницы и ровно в ней же останешься.

Наталина ликовала и яростно фыркнула:

— Подлец! — бросила она, но глаза её уже светились азартом, а не обидой. — Раз я любовница, то хочу видеть тебя сегодня в своей постели.

— Я не против, — бросил Джованни, бросая взгляд, в ко-

тором таилось неуважение и здравый расчёт.

— А я не против посмотреть на вас двоих, — усмехнулся Маттео, и их смех смешался с шумом посуды и голосами официантов.

— И как тебе твоя жена? — с насмешкой спросила Наталина. — Нравится? Хороша в постели? Удовлетворяет твой член?

— Это брак по расчёту, — отрезал Джованни и позвал официанта закрыть счёт. — У меня есть дела в офисе отца. Хочешь поехать с нами, а оттуда — к тебе?

— С удовольствием, — бросила она, выдыхая ядовитую нить дыма и вставая из-за столика.

Двое мужчин отправились вслед за ней к машине. В их разговорах не было ни участия, ни сожаления — была обычная логика жизни тех, кто привык получать желаемое и менять людей как костюмы.

А в кабинете Вальтеро шла своя встреча. Джузеппе — брат Вальтеро, тот, кто временно занимает трон в его отсут-

ствие, — прибыл поздно и серьёзно. Они переговаривались о поставках, о новых рынках, о тех, кто готов платить и тех, кто ещё не понял, что платить придётся.

— Сделка состоялась, — сказал Джузеппе, — поздравляю. Беллуччи с нами. Это новый поток.

— Я дал Алессандро предложение, от которого он не мог отказаться, — спокойно ответил Вальтеро. Он был уверен в своих действиях и прекрасно знал, что еще не было на его пути человека, кто бы ему отказал в сделке. — Что по французам? Я хочу, чтобы ты устроил встречу с Винченцо Марчелли. Он заведует ночными клубами и борделями, где решают свои дела те, у кого кланов мало, но возможностей много. Обсуди детали.

— Я всё устрою, Вито, — кивнул Джузеппе. В группе своих, в кругу родных, Вальтеро называли «Вито» — имя, что висит между уважением и близостью. — Как тебе наша новая невестка?

— Она хороша, — ответил Вальтеро, потягивая виски. — Как бутон. Но за ней нужно ухаживать, иначе завянет.

Слова прозвучали, как приговор и как обещание одновременно.

Вечер собрал дом в одну мощную картину: длинный стол, свечи, серебро, фонари и разговоры, что были отрепетированы заранее. Все гости были заняты: кто-то обсуждал политику, кто-то — инвестирование, кто-то — новое платье для следующего бала. Только Магдалена чувствовала, как мир вокруг не ей — она едва ела, и усталость сжимала плечи.

После ужина, уставшая, она прилегла ненадолго в своей комнате — попытка уединиться, собраться с мыслями. Сон пришёл к ней неохотно и забрался тихо, как гость, который знает, что в доме есть свои секреты. Она не заметила, как задремала, и проснулась от чьего-то прикосновения — лёгкого, почти незаметного на первый взгляд.

— Джованни? — прошептала она во сне, но это был не он.

Рука была нежной, но в её прикосновении не было дружбы; она скользила по щеке, по плечу; одна бретелька сорочки соскользнула, и охлаждение ткани на обнажённой коже заставило Магдалену мгновенно проснуться. Сердце подскочило. Она отреагировала инстинктивно: прикрыла грудь, отшатнулась, глаза нашли лицо, и оно было не тем, которого она ждала.

— Что вы тут делаете? — выдавила она, защищая себя ладонями.

— Боишься меня? — усмехнулся Вальтеро тихо, его пальцы проходили по её коже лишь как будто, не причиняя физической боли — но каждый жест был расчётлив, как ход на шахматной доске.

Она инстинктивно отпрянула ещё дальше, прижимая к себе сорочку, стараясь скрыть уязвимость. Внутри у неё сжималось всё от ужаса и от гнева.

— Что вам нужно? — спросила она почти тихо, смесь обиды и протеста дрогнула в словах.

Он шагнул ближе, но держался на грани дозволенного, словно проводник, проверяющий реакцию.

— Твоя красивая и невинная душа, — сказал он тихо, и голос его был странно мягок, но в словах лежала сила. — Мы ждём тебя внизу, у нас разговоры за бокалом роскошного вина, Магдалена. Спускайся.

— А если не спущусь?

— Тогда, заставлю тебя застонать от удовольствия... — сказал Вальтеро ехидно улыбаясь, низ её живота заныл.

«Я не могу позволить своему телу так реагировать на свекра! Это ужасно!» — проговорила она в своих мыслях.

— Вы ошиблись мной, синьор Гамбино. — Она встала с кровати, накинула халат. — Если вы думаете, что я не люблю вашего сына буду вести за его спиной двойную игру, то, вы слишком сильно ошибаетесь. — она направилась к двери, как он схватил её сзади и прижал к себе, вдыхая её аромат.

— Твоя красота и невинность доводит мои мысли до греха. — Его рука нахально залезла в зону декольте, Магдалена пыталась сопротивляться, но, его хватка была цепкой, мужская рука сжала её нагую грудь и девушку больно укусила губу, подавляя в себе стон. — твоя грудь идеальна. Мне бы хотелось, чтобы ты предложила мне её и позволила коснуться языком твоих сосков. — он резко оттолкнул её от себя и повернул лицом к себе. Они встретились взглядами. Магдалену трясло. Он оттянул сорочку и оголил девичью грудь.

— Роскошество... — прошептал Вальтеро и его горячие ладони легли на её груди. Девушка зажмурила глаза и стиснула зубы. Она словно не дышала. Его пальцы сомкнулись на её сосках. И сжали их. По её телу будто прошел электри-

ческий заряд.

Он резко приблизился к ней, и нашептал.

— Не скрывай свои настоящие чувства, Магдалена. Я знаю, что ты твое сердце похотливо, а тело совсем невинно. Если ты позволишь мне, я подарю тебе райское наслаждение... — он оставил легкий поцелуй на её шеи и ушел.

Его прикосновения были акцентом, не атакой; вызов, а не принуждение. Это действовало иначе: оно запечатлеvalo в ней чувство невозможности ускользнуть. Он удалялся без лишних слов, оставляя после себя тёплый след всякого намерения.

Магдалена осталась стоять в полуосвещённой комнате, с поджатым дыханием и с сердцем, которое самолично пыталось восстановить ритм. Её руки тряслись, и слёзы — тихие, бессильные — скатились по щекам. Она понимала, что это прикосновение — знак не только пренебрежения к её границам, но и последующее напоминание: власть здесь не только в бумагах, но и в руках тех, кто умеет владеть миром, не поднимая громкого голоса.

Она на мгновение вспомнила слова Чечилии: «Держись от него подальше». Но кто мог уйти дальше, когда тебя держат в

руках сети семейных договоров, фамилий и общественного мнения?

Внизу уже зазвучали звонки — гости не любили опаздывать. Магдалена, всё ещё дрожа, приподняла голову, поправила себя и, как робкая актриса, спустилась в зал. Её походка была изящна, но сердце стонало. Она понимала, что это было не первое и не последнее прикосновение: в мире, где власть — это язык, некоторые люди разговаривают при помощи пальцев и поцелуев, и умение читать такие диалоги — это отдельная наука.

Магдалена напряженно идёт в зал, где все улыбки кажутся чужими, где каждый жест — часть сделки. А в её груди растёт решимость — медленная, но неотвратимая — разоблачать холод власти своим внутренним огнём, когда придёт время. Пока же она учится дышать в клетке, зная её размеры и готовиться к первому шагу за её пределы...

Заметка 9:

**«Не поддаваться соблазну свекра»
**

**От автора:
**

Всем приветик мои хорошие♥️# Как вам глава?

Вы в шоке от поведения Вальтеро?

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 10. "Влажные трусики"

Мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного.

Публий Овидий Назон

Ночью в доме было достаточно тихо. После посиделок со своей «новой семьей», Магдалена в быстром темпе вернулась к себе в спальню, все эти пару часов она мечтала как можно скорее сбежать и не попадаться на глаза свекру. Девушка уснула так, словно пыталась спрятаться в самой себе: за плотными занавесями, за слоями тканей, за мыслями, которые тянулись только к одному — чтобы всё это было уже позади.

Позади был не только вчерашний вечер — позади осталась ночь, которая оставила на ней метки не столько физические, сколько душевные. Она спала угрюмо, плечи её дрожали в такт собственному дыханию, когда в дом ворвался запах спиртного — бриз чужой воли и глупости.

Джованни вернулся поздно, слегка шатаясь. Крепкий алкоголь и самоуверенность создали вокруг него ров, в котором он чувствовал себя королём, которому всё дозволено. Он вошёл в спальню тихо, но не уважительно — больше как тот, кто привык, что мир склоняется под его прихоти.

Она не была готова к его приходу. Первые его слова — резкие, требовательные, полные раздражения — разбудили

её до конца.

— Ты что себе позволяешь? — выпалила она.

Её голос дрожал, она отодвинулась и прошептала, пытаясь не разжечь скандал там, где он был уже искрой.

— Ты моя жена, — кричал он в ответ, — моя жена, черт подери! Я требую, чтобы ты исполнила супружеский долг! Ты должна давать мне в любое время, всегда, тогда, когда я этого захочу.

Его руки в ярости схватили её за волосы и резко потянули с кровати. Она вырвалась, но в его хватке был не только гнев — была сила, притяжение, как будто он требовал не любви, а подчинения. Слова, которые он плевал в её лицо, резали глубже, чем любой удар: унижение и обвинение.

— Почему я должен устраивать сцену, чтобы ты раздвинула ноги? — бросил он, встряхивая её за плечи. — Почему я должен брать тебя силой?

Магдалена плакала и просила помощи; её голос рвался, тон становился срочным, но в доме ночь тянулась тяжело, и вначале её крик — как щелчок в пустоте. На удачу, её крик достиг тех, кто был способен услышать.

— Помогите! Умоляю! Помогите!

Риккардо проснулся первым. Возможно, это был не столько долг брата, сколько инстинкт: звук чужой агрессии, рвущийся рядом, разбудил его мгновенно. Он ворвался в комнату, встал между братом и невесткой, пытался оттолкнуть Джованни, говоря спокойным, но твёрдым голосом:

— Прекрати. Это не по-мужски, Джованни. Успокойся. Ты что творишь? Разве так можно относиться к девушке? К своей жене! Ты обезумел!

— Она обязана выполнять все просьбы своего мужа! — Накричал на него в ответ Джованни.

Визг, слова, толчки — накалился конфликт, и вместо того, чтобы быстро утихнуть, он стал борьбой между братьями. Джованни яростно отталкивал Риккардо, он начал его бить, нанося удары кулаком по его лицу. Магдалена кричала во весь голос, её всю трясло, она даже не могла встать и убежать из комнаты, её ноги словно стали ватными от страха.

Драка была короткой, но шумной — не идеализированной, не героической; это была боль и стыд, которые вспыхивают внутри семьи.

Вальтеро появился в дверях словно гром. Его шаги были тяжёлыми, голос — ровный, и в нём не было ни удивления, ни растерянности; был расчёт и власть человека, который знает, что нужно делать, когда дома нарушается порядок.

— Хватит! — проговорил он спокойно, но одна только тишина, спущенная его голосом, остановила и братскую стычку, и угар Джованни. Охрана, услышав звон, ворвалась и учила порядок: мужчин развели, успокоили, кто-то получил суровые слова и приказ удалиться.

Вальтеро не позволил сцене расползтись по дому. Он тихо, без лишних вопросов, взял Магдалену на руки — не с

лёгкостью, но с практичной заботой — и унес вверх, на третий этаж, где была подготовлена комната для гостей. Он уложил её на кровать, покрыв тихим пледом. Она тряслась и плакала мягко, будто дрожь была уже не от страха, а от истощения.

— Джованни будет наказан, — сказал он, опускаясь рядом, его голос был холоден, как камень. — Не беспокойся. Он самый настоящий подонок.

— Лучше убейте меня. Я не смогу так жить, — прошептала она, и в его взгляде мелькнуло нечто — может быть, сожаление, а может — расчёт.

— Скоро всё изменится, — сказал он, заглядывая в её глаза. — Я обещаю.

Его обещание было двойственным: звучало как обещание защиты — но одновременно и как утверждение власти. Она чувствовала себя хрупкой, но в его голосе слышала уверенность, которая обещала смену правил. Быть может, это была первая искра, когда кто-то из старших понял, что линия перехода между «семейной честью» и «личной трагедией» пересечена.

Утром за завтраком дом собрался, как и положено, под знаменем деловых лиц. Вальтеро сидел у головы стола, глядя спокойно и холодно. Он объявил решение, которое прозвучало как приговор и как попытка дать раскладку для новой игры.

— Джованни и Риккардо отправляются в Париж — на пе-

реговоры с Винченцо Марчелли: тот самый контролёр борделей, с которым Вальтеро хотел связаться через Джузеппе.

— Это не отпуск, — добавил Вальтеро — это командировка, где я, как отец отправляю сына, чтобы тот «повзрослел» и утолил деловые нужды семьи.

— Я не поеду! — Фыркнул Джованни, его лицо выглядело отечным и опухшим после вчерашней драки с братом.

— Ты не можешь не ехать, — сказал Вальтеро, глядя на сына ровно и без эмоций. — Это приказ. И дисциплина.

Джованни встал, лицо его было как сталь, но в глазах моросил гнев. Он не хотел покидать дом — но теперь решение было принято. Он хлопнул дверью, уходя — звук, отделяющий его от дома на какое-то время.

— Риккардо готовься к отъезду. — сказал Вальтеро, игнорируя поступок Джованни.

Позже в кабинете Лаурина вступила в разговор с Вальтеро. Она подняла руку, защищаясь не за сына, а за новоиспечённую невестку — её интуиция не могла не замечать того, что произошло ночью.

— Ты хочешь отправить Джованни в Париж? А как же Магдалена? — спросила она, с ноткой протеста.

— Она тебе мешает? — сухо отрезал Вальтеро.

— Они поженились всего два дня назад... — Лаурина устало опустила взгляд. — Это неправильно. У них и так напряженные отношения, зачем усугублять ситуацию?

— Джованни должен повзрослеть, — ответил он резко. —

Это его шанс.

— Ты обещал, что мы поедем вместе в Париж: ты по делам, я — на шоппинг. Всё отменяется? — спросила Лаурина, и в голосе проступала женская обида.

— Если хочешь, можешь поехать с ними, — предложил он неожиданно. — Тогда я отправлю Джузеппе с тобой.

— А почему не ты? — упрямо спросила она.

— У меня много дел в Риме, — ответил Вальтеро спокойно. Он не произнёс вслух, что его дела важнее прогулок супруги по магазинам. Но мысль в его глазах была ясна: семья, роль, функции — всё это имеет цену и цену платят не всегда те, кто считает себя хозяевами.

Лаурина покосилась на него, пытаясь понять: не изменился ли он? Не влюбился ли? Он воздержался от прямого ответа; в его мыслях звучало только: «Я буду рад», но она этого не знала.

Ночь опустилась снова, и Вальтеро тайно прошёл по коридорам к комнате Магдалены. Он принес коробку дорогих конфет — жест, казалось бы, невинный; но жест от человека его статуса нес в себе и другое: желание утешить, поглаживание репутации, маленькая покупка доверия.

Она благодарила его — не за сладости, а за то, что он встал между ней и хаосом ночи. Его ладонь прикоснулась к коробке, затем он сделал шаг ближе. В комнате было темно и тихо, и в его тёплом дыхании слышалось нечто личное.

Он тянется к ней, как будто хочет прикоснуться — не грубо, а намеренно, и кажется, что намерение это почти поцелуй. Она отводит лицо.

— Это неправильно, синьор Гамбино, — говорит она тихо. — Пожалуйста, не...

— Называй меня Вито, — отвечает он тихо. Его голос звучит мягче. — Между нами не должно быть ничего?

— Нет. Между нами не может быть ничего, — шепчет она наконец.

Он задерживается, смотрит на неё дольше, чем нужно, и в этой паузе читается и власть, и опасность, и ободряющее обещание одновременно.

— Я хочу видеть тебя счастливой, — говорит он ровно. — Не думай, что это просто слова.

Она смотрит на него, смесь страха и усталости отражается в её лице. Его обещание — это не только защита; оно также звучит как угроза, что он станет хозяином защиты. Она не может называть это любовью; это скорее сделка — и теперь она на очереди понять, за какие условия.

— Я не смогу никогда быть счастливой... — она еле сдерживает слезы. Мужская ладонь легла на её щеку, он гладил её большим пальцем и смотрит ей пристально в глаза, словно пытаясь прочесть её мысли.

— Я знаю, что не безразличен тебе, Магдалена. Ты будешь отрицать это, говорить, что я не прав и так далее, но, я знаю, что рядом со мной твое сердце бьется иначе.

— Это приведет к греху... — она убрала его ладонь.

— А разве грех — это не часть нашей жизни?

— Я не смогу переступить через себя...

— Я хочу, чтобы ты позволила своим чувствам взять вверх. — он снова трогает ее, пальцами опускает бретельку сорочки и оголяет плечо, наклоняется и целует нежную кожу. Она дрожит, но не от страха, а от его прикосновений. — Тебе ведь понравилось, как я трогал твою грудь, так? — тихо спрашивает он.

— Да... — ей стыдно, она жмурит глаза, ненавидит себя за то, что позволяет свекру управлять собой.

Он побеждает ее.

Мужская ладонь оголяет девичью грудь. Он касается губами её торчащего соска и тут её словно бьет током, наслаждение смешивается со страхом и безумием. Адреналин зашкаливает. Одна его рука скользнула вверх, обхватывая правую грудь, а левая уже была в заложниках его рта, языка и губ. От столь горячей ласки дрожащие ноги Магдалены совсем подкосились и стали ватными.

Отстранившись, Вальтеро увидел, как она закрыла глаза и приоткрыла рот. Ей нравилось. Его губы снова нашли возбуждённый сосок, и он втянул его в рот, жадно и резко. Напряжённый кончик быстро стал ещё твёрже на его языке. Её рассудок окончательно превратился в кашу, колени задрожали и руки тоже. Вальтеро переключился на другую грудь, а тело Магдалены плавилось, когда его язык, творил такие

чудеса с её телом.

Наконец, он останавливается. Ухмыляется. Понимает, что девчонка в его руках.

— Понравилось?

— Нет! — Быстро говорит Магдалена и натягивает одеяло, закрывая свою грудь.

Вальтеро это не понравилось. Он резко отдергивает одеяло, хватая девушку и тянет её на себя, тем самым прижимая к своему телу, его правую руку тут же заходит между её ног. Она пытается сопротивляться, но он сжимает её в своей хватке.

— Раздвинь ноги!

— Нет!

— Значит, тебе есть что скрывать... — он смеется.

— Отпустите меня!

— Покажи мне свои трусики и я уйду! — Он сильно прижимает её к себе, от чего, она поддается ему и раздвигает ноги, его большие пальцы скользят по ластовице хлопковых трусиков-стрингов. Магдалена кусает больно губу, чтобы заглушить стон. Его пальцы вдавливают ткань в её уже мокрую киску.

— Ты намочила... — он потирает пальцем, через ткань её бугорок и она чуть не содрогается от безумного желания.

— Да... — она тяжело дышит и будто сама хочет потереться об его палец, но, он резко убирает руку и отпускает её.

— Начинать делать и не заканчивать — подлость! — Фыркнула она, а он рассмеялся.

— У тебя влажные трусики, Магдалена, советую тебе их поменять... — ехидная улыбка.

— Это неправда!

— Люблю лживых женщин, ведь их можно очень хорошо наказать... — он смотрит на её опасно, — я устрою тебе перевоспитание, когда твой муженек уедет в командировку, тогда у тебя не хватит трусиков, чтобы удержать свою влагу между ног. Советую запастись дюжиной трусиков, Магдалена...

Он уходит, оставив после себя тяжелое напряжение. Магдалена остаётся сидеть в темноте, она оттягивает трусики в сторону и опускает пальцы в свою влажную промежность и начинает теревить бугорок, закатывает глаза за пару мгновений достигает кульминации. Она тяжело дышит. Укутывается одеялом и смотрит на коробку конфет и понимает : её реальность — это игра, где защита и желание, угроза и забота часто живут рядом, неразделимые. Она понимает также, что впереди — поездка Джованни в Париж, а значит она останется с Вито в одном доме. Она понимает, что сейчас ей нужно выживать — и выживание возможно только тогда, когда она научится читать эти жесты и строить из них собственную стратегию.

**Заметка 10.
 «Я поддалась соблазну»**

**Мои трусики стали влажными от прикосновений моего свекра.
**

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥# Как вам глава?

Ну начинается самое интересное ##

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 11. «Искушение» 18+

Песня к главе: Merci - Bishop Briggs

Искушение — это духи, которые вдыхаешь до тех пор, пока не захочешь иметь весь флакон.

Жан-Поль Бельмондо

Колонны Рима уже гудели утренним трафиком, когда кортеж машин свернула к аэропорту. Париж казался деловым пунктом в очередной шахматной партии: переговоры, встречи, проверки — всё то, что держит на плаву империи фамилий. Джованни и Маттео, Лаурина и Джузеппе — они уехали в полёт, и с собой унесли шум, ставки и часть внимания семьи. Дома остались двое — Вальтеро и Магдалена.

Ранее...

— Это не кажется тебе странным, что мы все уезжаем, а ты остаёшься с невесткой один? — бросил Джузеппе, поправляя воротник, когда приближалась машина в аэропорт.

— Я работаю, у меня много дел, — коротко ответил Вальтеро. — Магдалена должна прийти в себя. Эти дни у неё

стресс. Джованни ведёт себя как сволочь — это недопустимо в моём доме. Лучшим решением было отправить с тобой Джованни, ему пора понять, что он наследник моей империи.

— Смотри, не влюбись в молодую невестку, — усмехнулся Джузеппе и сел в машину. Шутка пролетела, как искра мимо лица — но в глазах Вальтеро не мелькнуло ничего смешного.

Когда кортеж исчез в облаке пыли, дом остался тихим, с оттенком свободного пространства, который впервые дал Магдалене возможность дышать — но и поставил её прямо напротив человека, чьи взгляды и жесты раньше она замечала лишь издалека.

Она собиралась уединиться, читать, распаковывать подарки со свадьбы, когда Вальтеро подошёл к ней с той спокойной инициативой, которая всегда была у него как у хозяина.

— Хочу тебя сегодня кое-куда пригласить, — сказал он мягко, как будто предлагал ей чашку чаю, а не вечер, наполненный последствиями.

— Я не хочу никуда идти, — ответила она просто. Её голос дрожал, но в нём была решимость не делать лишних ша-

гов навстречу неизвестности.

— Брось, — его улыбка была лёгкой, но в ней слышалось давление. — Ты молода. Тебе нужно развеяться. Ты ведь не будешь все время сидеть дома. Я в твои годы домой даже не возвращался.

— Я подумаю... — сказала она коротко, надеясь, что свекр поскорее оставит её одну. Ей было стыдно смотреть на него, ведь перед глазами та самая ночь, когда его губы настойчиво посасывали её соски.

Низ живота связался в тугой узел. Она ненавидела себя за то, что позволяла своему телу так реагировать на свекра.

— Если я сказал, что мы идем вечером развеется — значит мы идем. Никаких «подумаю», я не принимаю. Точка. — Вальтеро был серьезен, Магдалена понимала, что ему нет смысла отказывать, если надо он возьмет через силу.

Она промолчала, а он ушел дальше работать.

К вечеру, находясь в тишине и покое, так как хозяин дома уехал на рабочую встречу, мобильный телефон Магдале-

ны завибрировал — это была Калиста. Телефонный разговор был коротким, тёплым:

— И как ты там? — спросила Калиста. — Я скучаю по тебе, Магдалена... такое ощущение, что Сицилия обеднела, после твоего ухода...

— Я тоже скучаю, — прошептала она. — Тяжело мне дается новая жизнь.

— Что с Джованни? — Калиста была прямолинейна.

— Он в Париже. Я одна с Вальтеро.

— О, нет, — голос подруги стал серьёзнее. — Будь осторожна. Он опасен. Как ты могла остаться со свекром?

— Всё хорошо, — соврала Магдалена, потому что иначе паника расплзлась бы по голосу. — Тебе не стоит переживать, он относится ко мне очень хорошо.

— Я приеду в следующие выходные, — пообещала Калиста. — Держись.

Она повесила трубку и, как по инерции, открыла шкаф. Выбор платья казался актом утверждения: черный сатин в

пол — строгий, но женственный; простая аккуратная причёска, легкий макияж. Она смотрела на себя в зеркало и почти не узнавала ту девушку, которой предстояло выйти в вечер: невестку, подаренную миру.

Поздно вечером Вальтеро приехал за ней на машине, не смотря на его положение, за рулем сидел он, а позади две машины с охраной. Свет фонарей мелькал на лобовом стекле, и поездка в городе была молчаливым прелюдией: они не говорили много. Он привёз её к двери старинного здания, вывешена табличка: Museo dell'Angelo — «музей Ангела». Двери распахнулись, и внутрь, в приватное пространство, где обычно не ходили туристы, провели только их двоих.

Музей был маленьким, созданным как укрытие от внешнего мира: один зал, мягкий свет, картины, скульптуры, и — к их удивлению — накрытый стол, свечи, цветы и скрипач в углу. Всё было устроено так, чтобы казаться случайным подарком судьбы — но Магдалена знала лучше: в этой семье не бывает случайностей.

Он подарил ей цветы — не громоздкий букет, а аккуратный букетик белых орхидей, словно символ невинности, который уже играл странную роль в её жизни. Затем — коробка: внутри — подвеска, крупный бриллиант на тонкой цепочке, бледно-солнечный отлив которой отбрасывал кро-

печные звёзды на её ладони. Магдалена почувствовала, как внутри всё напряглось: это — знак внимания, но и знак собственности.

— Не ожидала? — спросил он тихо.

— Нет, — прошептала она. — Это слишком. Я не могу все это принять.

— Ты часть нашей семьи, я обязан делать тебе роскошные подарки.

Он усадил её за стол, стоявший у экспоната старинного ангела: игрушечной фигуры, чья рука будто защищала что-то хрупкое. За стол был подан лёгкий ужин — салаты, закуски, оливковое масло, хлеб, и белое вино. Скрипка тянула мелодию, устремлённую к сердцу; каждый смычок слабо царапал душу, заставляя чувствовать себя участницей чужой сцены.

— Могу пригласить на танец? Обрадуете старика медленным танцем. — Он улыбнулся, она не могла ему отказать.

Во время танца он приблизился. Его рука опустилась на её талию, осторожно — но намеренно; это было публично-интимно: никто рядом не стоял, но её сердце билось так, будто

вокруг — тысячи глаз. Он говорил тихо, на ухо, и в его словах не было дешёвой лести — было много плана и расчёта.

— Я давно знал о тебе, — сказал он так, чтобы нотки звучали серьёзно и одновременно мягко. — Я наблюдал. Я хотел, чтобы ты была в нашем доме. Я сделал так... чтобы мой сын женился на тебе.

Её сердце, которое всё ещё училось дышать после предыдущих ударов судьбы, остановилось на мгновение. Слова упали, как ледяной дождь: не просто признание, а признание прямого вмешательства — манипуляции судьбами, в которой она оказалась предметом.

— Вы сделали это? — она едва шептала.

— Я сделал многое, — ответил он ровно. — Не думай, что это случайный случай. Ты пришла ко мне как бутон; я хотел видеть, как ты распускаешься под моим наблюдением.

Он провёл пальцем по краю её подбородка — жест, который был одновременно нежным и властным. Магдалена почувствовала себя куклой, которой затрагивают струны. Ей стало не по себе от того, что её судьбой распоряжались как шедевром; ей было больно, что за её жизнью наблюдали не как за личностью, а как за объектом желания.

— Почему? — спросила она, и в этом вопросе слышалось и упрёк, и отчаяние.

— Потому что ты пробудила во мне былую страсть, — сказал он тихо. — Я видел в тебе то, чего не могу найти в других. Я хотел быть рядом, видеть тебя каждый день. Брак был удобной крышкой.

Он улыбнулся: та улыбка была опасной — она обещала защиту и одновременно намекала на владение.

Магдалена слушала и ощущала, как в сердце растёт лёд. Это было не только признание — это было заявление о правах: он создал союз, чтобы иметь возможность смотреть на неё, чтобы держать её в поле зрения. В глазах её мелькнуло что-то большее, чем страх: понимание предательства включало не только отца и мужа, но и свёкра, чей замысел стоял за всем этим.

Она сжала пальцы вокруг цепочки с подвеской; камень в ней был красив.

— Я не могу быть вашей... — начала она тихо. — Я не просила этого. Это не честно.

— Мир редко бывает честным, — сказал он. — Но я могу сделать так, чтобы тебе было комфортно. Я могу защитить тебя от глупцов, которые думают, что власть — это отсутствие границ. Я могу быть опорой. Я подарю тебе роскошную жизнь, Магдалена, ты ни в чем не будешь нуждаться.

И тут, в его словах, проскочил двойной смысл: обещание и угроза. Он говорил о защите, но обещал её на условиях, которые включали подчинение. Он дарил ей драгоценность — но драгоценности здесь были не только украшениями: это были метки, которые закрепляли за ней роль.

Она чувствовала, как в груди растёт решимость — тихая, но яростная. Она приняла подарок — не потому, что хотела, а потому что понимала, что сейчас это может быть инструментом: носить подвеску означало быть рядом с ним, но также и быть видимой для тех, кто мог искать шансы. Она не улыбнулась. Она не сказала «спасибо». Она осталась молчаливой фигурой.

Музыка стала медленнее, медленнее — все ноты были как шаги, которые он делает вокруг неё. Его слова были тёплыми и внимательными:

— Я знаю, что тебе тяжело. Но я могу быть тем, кто придёт на помощь, — шептал он, — я могу быть горой, если ты

со согласишься.

Она слышала в его голосе лицемерие и искушение одновременно. Она думала о Калисте, о сестре, о матери, об отце, о родном доме в Сицилии. Она думала, что свобода — не в подарках, не в ужинах, не в обещаниях. Она думала о том, что её жизнь теперь — шахматная доска, и у неё есть выбор: играть по чужим правилам или искать свои ходы.

— Вы хотите сделать из меня игрушку, синьор Гамбино. Но, я не позволю вам топтать мои чувства... — сказала Магдалена и оттолкнула от себя мужчину, она хотела уйти, но, он резко схватил её и толкнул к стене.

— Хочешь, чтобы я взял тебя прямо на глазах у этого скрипача?

— Вы это не сделаете! — Она смотрела прямо ему в глаза, и он впервые понял, «она его не боится».

— Оставь нас! — Грубо сказал Вито скрипачу, мужчина тут же покинул музей.

— Сними трусики! — Приказал Вальтеро, — если такая смелая, то сыграй в мою игру. — Он ухмыльнулся, а девушка не побоялась и приподняла подол платья, после чего стя-

нула с себя кружевные стринги. Вито наблюдать за каждым её движением, внутри него горел огонь.

— Держите! — Она бросила в него свои трусики, он взял их и приложил к носу, вдыхая девичьи аромат.

— Вы ведь специально отправили Джованни и свою жену в Париж? Что бы терзать мою душу и тело...

— Верно мыслишь. Ты моя игрушка, Магдалена и я сделаю с тобой все, что захочу. — Он засунул трусики в карман и приблизился к ней, мужская рука грубо залезла под подол платья. Он сразу же начал водить двумя пальцами по её промежности.

— Не строй из себя прилежную девушку, мы оба знаем, что тебе нравятся эти грязные, грешные и похотливые игры. Я знаю, что тебе необходимо получать разрядку, тебе нравятся ощущения запрета и страха, Магдалена. Ты ведь самая настоящая блудница.

Она молчала, но её тело говорило за нее. Её ноги раздвигались в откровенном призыве. Его ищущие пальцы сдвинулись к ноющему бугорку. Магдалена снова раздвинула ноги, на сей раз ещё шире. Его пальцы медленно теребили горящий эпицентр. После он, углубил пальцы и коснулся её

сморщенной дырочки.

— Я знаю, что после того, как я ушел, ты опустила пальцы в трусики и довела себя до иступления... — он в открытую насмеялся над ней и её слабостью.

— Неправда... — она тяжело дышала.

— Хорошо, может мне тогда остановится?

Магдалена услышала перемену в его голосе. Теперь он стал более низким и хриплым, вместо жестокого, властного и серьезного тона. Она на него влияла. Мысль о том, что свекр её хочет, подталкивало Магдалену к кульминации.

— Не останавливайтесь... — она закусила больно губу.

Он ехидно улыбнулся и скользнул длинным пальцем обратно к невинной дырочке. Как и ожидалось, из неё уже выделилось много смазки. Девушка выгнула спину дугой, её бёдра покачивались в ожидании большего. Он легонько коснулся бугорка, и она тут же дёрнулась под его рукой. Его губы растянулись в удовлетворённой ухмылке, он медленно провёл пальцем по складкам, чуть-чуть погружаясь в щёлочку.

— Я знал, что ты маленькая извращенка... — шепнул

он и медленно дразнил раскрывшуюся киску, не проникая вглубь, а просто порхая по самому краю.

— Пожалуйста, синьор Гамбино... — её голос дрогнул.

Это хныканье стало музыкой для его ушей. Он медленно проскользнул внутрь, и жаркая влажная щель поглотило его палец.

«Чёрт, какая она тугая!» — подумал он.

Внутренние стенки прижались к незваному гостю. Он двигал пальцем внутри, после чего вытащил его и добавил ещё один. Она зашипела от непривычного растягивания. Вальтеро неторопливо проникал пальцами всё глубже, а затем вытаскивал их обратно. После того, как она разогрелась, он повернул ладонь и прижался к передней стенке. Быстро нащупав эрогенную точку, он начал массировать её.

Магдалена потерялась в пространстве. Вальтеро заставлял её тело ощущать то, чего она никогда не испытывала прежде. Его руки творили необъяснимое. Когда она уже была на грани кульминации, он начал дразнить большим пальцем тугой бугорок. Она плавала на волнах удовольствия. Её разум будто отключился.

Её невероятно тугая киска душила его пальцы, отчаянно сжимаясь вокруг них. Кривая усмешка на губах Вальткро стала ещё шире, когда она наконец-то застонала. Из-под его руки брызнула струйка теплых соков. Он осторожно вытащил из неё пальцы, после чего она ощутила странную пустоту...

Он отстранился от нее. Ее взгляд тут же упал на его возбужденный пах.

— У вас встал член, синьор Гамбино... — прошептала она со стыдом.

— Я думаю, что тебе стоит заняться этой проблемой, Магдалена... — ехидно ответил он.

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥# Как вам глава?

Что думаете по поводу всего происходящего?

Я в шоке, а вы?

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 12. «Блудница»18+

Песня к главе: Ex Habit - Who do you want

**«Блудница любить не умеет, а только коварствует,
в ее целовании — яд, в устах — губительная отрав»**

Иоанн Златоуст

Париж принял семью Гамбино сухим воздухом и мягким светом улиц, будто город понимал, что здесь решаются не только сделки, но и чужие души. В роскошном отеле у Елисейских аллей Маттео и Джованни сидели с бокалами, обдуваемые шёпотом столиц — его смех был громким, как выстрел; слова — быстрыми, как пули.

— Тебе не кажется странным, что отец отправил тебя в Париж решать вопросы семьи, а сам остался с твоей женой? — медленно, с притворной беззаботностью поджёг косяк Маттео.

— Я заметил, — ответил Джованни, и его взгляд был усталым не от дороги, а от мысли. — Есть у меня плохое чувство. Если бы я на неё запал, да это был бы позор. К счастью, я не чувствую ничего, и это держит меня от скандала.

— Думаешь, твой отец ведёт двойную игру? — Маттео улыбнулся по-развязному.

— Мой отец — мастер лицемерия. Маски у него как гардероб, — сказал Джованни тихо. — Я не знаю, с кем имею дело, и это пугает.

— Твоя задача — сохранить наследство. Не дай молодой невесте всё перехватить, — подмигнул Маттео.

— Она погибнет раньше, чем посягнёт на моё имущество, — холодно отрезал Джованни. — Не сомневайся. Я держу всё в своих руках. Еще ни одна грудастая дама не смогла и не сможет отобрать у меня то, что принадлежит мне.

— Но, если честно, я бы не смог устоять перед такой красотой... Магдалена чародейка.

— Перестань, Маттео. Она обычная девушка.

— Неужели, она совсем тебя не возбудила? Я даже не могу представить какое у нее обнаженное тело... — Маттео облизнулся

— Если отдашь мне свой «Бугатти», я могу позволить те-

бе поиграться с моей женой...

— Ты шутишь?

— Нет.

— Да я готов все свои акции тебе отдать, лишь бы прикоснулись к ней... ты правда позволишь мне?

— Ключи от машины на стол, Маттео. — Усмехнулся Джованни.

— Да ты гребанный псих!

Внутри Джованни поедала злость и агрессия. Он не мог позволить себе подумать о том, что Магдалена могла играть в любовные игры с его отцом. Он просто не хотел в это верить. Но, если это откажется так, то никому не поздоровится...

Смех Маттео заглушил уличный шум. Чудовищная уверенность, с которой они планировали жизнь, вела себя как притча: у кого власть — тот диктует границы. Но в её тени всегда росла неизвестность.

В это время, на другом конце города, Лаурина и Джузеппе сидели в маленькой кофейне. Париж для них был не только торговой точкой — это была сцена, где играли старые роли и готовили новые ходы.

— Париж прекрасен, — мечтательно сказала Лаурина, глядя на витрины. — Всегда хотела сюда переехать жить, но, Вито был категорично против.

— И ты так спокойна, что уехала со мной, а не с Вито, — фыркнул Джузеппе. — Впервые вижу, чтобы Вито отпускал тебя одну.

— Джузеппе, — улыбнулась она, положив руку ему на предплечье, — мы оба любим друг друга в своих рамках. Я счастлива. Ты всегда был мне небезразличен, ты же знаешь... а Вито он и так сует свой член в кого попало, я не в силах это контролировать.

— Я не буду больше спать с тобой, это была ошибка — хмыкнул он, но в его голосе была не злоба, а напоминание о прошлом: несколько лет назад между ею и Вальтеро был болезненный скандал, и Лаурина убежала в объятия своего деверя Джузеппе. Об этом грехе знали двое — остальные нет.

— Это не было ошибкой, — ответила она.

— Это больше не повторится, Лаурина. Ты знаешь, что если Вито узнает — он отрубит мне голову.

— Перестань, Джузи, никто и никогда ни о чем не узнает.

— А если он положил глаз на Магдалену? — Джузеппе взаимодействовал с мыслью без усмешки в голосе. — Я видел, как он смотрит на нее.

— Я так не думаю, — Лаурина ощерилась. Мысль о том, что Вито в образе свёкра может спать со своей невесткой — ужасающая, даже на уровне гипотезы. — Она не в его вкусе.

— Смотри, чтобы у тебя не появилось соперницы, Лаура, — мягко погрозил Джузеппе в шутливой форме, которой ощущалось не совсем шутливое. — Мы ведь прекрасно знаем, как Вито любит женщин...

Рим

— Я не смогу удовлетворить вас, синьор Гамбино. — Тяжело дыша, сказала Магдалена.

— Тебе стоит всего лишь попробовать, я уверен, тебе понравится. Я ведь тебе уже не чужой. — Он приблизился к ней, взял девичью ладонь и положил на область своего возбужденного паха. Она была поражена его твердости и размером.

— Я боюсь... — прошептала Магдалена.

— Это естественно, в этом нет ничего постыдного. Освободи его. Ты не видишь, ему тяжело, тесно... — он улыбнулся уголком губ, девушка осторожно расстегнула ширинку брюк и оттянув резинку трусов освободила мужской половой орган.

— Он встал из-за меня? — она была шокирована

— Да, он встал от твоей красоты и мокрой киски... он не кусается, Магдалена, потрогай его.

Брюнетка осторожно протянула руку и провела кончиками пальцев по красной головке. Его член дёрнулся в ответ. Она отшатнулась.

— Он живой! Двигается! — Она была потрясена, а Вито рассмеялся.

— Он так на тебя реагирует. — Он взял ее руку и положил на свой набухший орган. Сжав её пальцы вокруг ствола, Вито накрыл их сверху своей ладонью. Магдалена отчётливо чувствовала его пульсацию внутри кулака. Вито медленно убрал свою руку и позволил ей действовать самостоятельно. Её пальцы исследовали каждую вену, как будто она пыталась выучить его наизусть.

Постепенно она переместилась к яичкам, поглаживая их, мягко массируя и слегка сжимая. Вскоре она заметила, как из кончика начала обильно сочиться влага.

Вито сжал её пальцы вокруг своего члена, в этот раз гораздо сильнее и начал двигать ладонью вверх-вниз. Она сразу поняла, что от неё требовалось.

— Я хочу, чтобы ты взяла в свой красивый ротик... — тяжело дыша, прошептал Вито.

— Я не буду этого делать.

— Я куплю тебе всё, что ты захочешь. Скажи мне, любой бриллиант, любая машина, любая квартира или дом, все будет у тебя. Позволь мне коснуться твоего рта.

— Вы меня с кем-то спутали, синьор Гамбино... — Магдалена ухмыльнулась и убрала руку с его члена, оттолкнув

мужчину, она вернулась к столу, взяла свою сумку и собиралась уйти.

— Магдалена! — Вито схватил её резко за шею и снова толкнул к стене. — Ты не знаешь с кем играешь! Не выводите меня! Это может плохо для тебя кончиться!

— А вы не знаете меня! Я вас не боюсь! Я не падшая девушка, я не буду лизать ваш член! Я уверена, у вас много женщин, обратитесь к ним за помощью.

Он обхватил правой рукой свой член и начал двигать им вверх-вниз, быстро и грубо.

— Я заплачу тебе любую сумму. Просто подними платье и покажу мне свою голую киску. — Приказал он, она видела как в его глазах зарождается зло. Магдалена решила не сопротивляться, тем более левой рукой он больно сжимал ее шею. Она подняла платье и показала ему свою обнаженную киску.

Вито иступлённо зарычал, когда его член поджался, и его накрыли первые волны экстаза. Он начал изливаться на её лобок. Теплые струйки покрывали собой её кожу. Его бёдра судорожно дёргались вперёд, Вито застонал когда по его телу прошлась последняя волна. Он коснулся кончиком её лобка,

словно вытираясь об нее и убрал член обратно в трусы.

— Я хочу роскошное кольцо из желтых бриллиантов от «Граф». — Сказала Магдалена и убрала его руку от себя, опустила платье и направилась к выходу. Вито ухмыльнулся.

— Чертова блудница! — Сказал он ей вслед. — У всего есть цена, не так ли? Я куплю каждую твою дырочку!

— Старый извращенец! — Фыркнула она и вышла из музея.

— Мы с тобой подружимся, Магдалена... я ведь люблю баловать маленьких, похотливых блудниц, которые строят из себя невинных ангелов. — сказал он себе под нос и вышел за ней.

«Истинная леди подобна Дьяволу.

**Ты не получишь ее тела,
не отдав взамен свою душу.**

И я был готов сдаться ей в плен.

Отдать свою душу, лишь бы коснуться её обнаженной плоти и вкусить девичье тело, которое так и манило меня на самые страшные грехи...»

Вито Гамбино о своей невестке

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥# Как вам глава?

Кажется, Магдалена решила играть по своим правилам...

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 13. «Вожделение»

Песня к главе: Nikki Idol - I love you my Devil

На многих женщин я смотрел с вожделением. Я совершил множество прелюбодеяний в сердце своем.

Джимми Картер

Утро в Сицилии начиналось по-старому: пахло выпеченным хлебом и морским ветром, а дом Беллуччи гудел тихой работой — прислуга, звон фарфора, неписанные ритуалы. За закрытыми дверями Алессандро и Аурелия вели разговор, который не уместился бы ни в одной светской беседе. Они говорили о выгодах, о чести, о будущем дочери, но слова ложились иначе — как постукивание молотка по металлу.

— Ты относишься к Магдалене как к вещи... — сказала Аурелия, сжимая чашку. Она говорила тихо, и в голосе слышалось не столько упрёк, сколько материнская тревога. — Так нельзя. Она твоя дочь.

— Она непослушная дочь, — ответил Алессандро ровно, взглянув в окно на рощу апельсинов. — Всегда делала всё наперекор мне. Её надо поставить в строй. Ей пора устро-

ить жизнь и семью. Ты — мать; для тебя дети всегда дети. Но время идёт, Аурелия. Нам нужны связи в Риме, порядок здесь — это безопасность для всех нас.

— Я просто боюсь за неё. Может, всё-таки съездим в Рим на выходные? Я хочу её увидеть. Хочу поддержать, как никак, она там совсем одна. Возможно, ей тяжело привыкнуть к роли невестки.

— Хорошо, если ты хочешь, — вздохнул он и, впечатлённо глядя на неё, добавил: — Я не против.

Рим проснулся, и в доме Гамбино — уже другая динамика. Магдалена спустилась на кухню и обнаружила Вальтеро за столом, как будто он и весь дом и вся его жизнь могли уместиться в его спокойном взгляде. Чечилия уже накрывала — привычные звуки и запахи — и в этой обыденности рождалось самое страшное: плотная, незримая сеть власти.

— Как спалось? — поинтересовался он ровно, не улыбаясь, но и не холодно. Он и вправду делал вид, будто вчерашнего дня не существовало и то, что он творил с Магдаленой в музей — был вымысел. Девушка была удивлена тому, как он умело скрывал свои эмоции.

— Хорошо, — ответила она, стараясь держать голос ровным и не выдать внутренней дрожи; она механически втыкала вилку в яичницу.

Он не тотчас продолжил, но в воздухе повисло ожидание. Вальтеро скользнул взглядом по столу, затем снова посмотрел на неё.

— Сегодня к обеду придёт курьер, — сказал он с едва заметной усмешкой. — Ну, а вечером у нас свидание.

Это были не слова мужчины, флиртующего с возлюбленной; это была декларация хозяина, который объявляет о своих планах шуму и без обсуждения. Магдалена ощутила, как по телу пополз неприятный холод.

— Вы что творите? — выпалила она, не сдерживая гнева. — Это нельзя так открыто говорить. Нас могут услышать! И я не давала вам права считать меня своей собственностью — я не пойду ни на какое свидание.

— Хочешь проблем? Или устроишь проблемы для своей семьи? — голос его стал тихим и ровным, будто он озвучивал деловой план.

— Это угроза? — спросила она, вскидывая глаза.

— Нет, — сказал он, неторопливо допивая кофе, — это шантаж. И ничего более.

Он встал, наклонился и поцеловал её в макушку — жест, который звучал как декларация владения, — и вышел, оставив комнату наполненной его оставшимся запахом.

Чечилия, стоявшая в дверях, тихо прошептала: «Будь осторожна, синьора. Не играй с дьяволом». Её слова были предупреждением. Магдалена смотрела в ту сторону, где дверь закрылась, и чувствовала, как в её груди скручивается узел.

«Она попала в ловушку Дьявола и возможно уже не сможет из нее выбраться...»

К полудню курьер действительно приехал. Чёрный пакет, в котором ожидалась либо обычная мелочь, либо нечто большее, был передан прямо ей — аккуратно, официально. Она развернула упаковку, а в ней лежал тот самый подарочный пакет от ювелирного бренда «Граф», она достала коробку и её взгляд остановился на колье: оранжево-жёлтые бриллианты, выстроенные в строгую линию — дорого, эффектно и

безошибочно коммерчески красиво.

Это то, о чем она его попросила, то, что очень сильно хотела.

Внутри была записка. Бумага хрустела, буквы — ровные, выведенные аккуратно.

«Для самой прекрасной и неизменной вечно влажной невестки».

Строка была двусмысленной: с одной стороны — комплимент; с другой — метка. Камни мерцали, брошенные в её ладонь, и в этом блеске было всё: чин, контроль и послание. Магдалена почувствовала, как в горле поднимается то чувство, которое давно не позволяло ей быть легкомысленной: «ты — чья-то вещь».

Она прижала кольцо к груди, но вместо тёплой благодарности почувствовала холод: подарок — не про любовь, он про условия. Он требовал соответствия. Он требовал видимости. Он требовал — в обмен на тишину, её тело и похоть.

Ей было страшно. Магдалена понимала, что приняв это кольцо — она добровольно согласилась на танец с Дьяволом.

Что теперь она скажет матери? Вдруг кто-то узнает про колье, как она объяснит его появление? А если об их связи узнает Лаурина или сам Джованни?

«Что ты творишь, Магдалена?» — спросила она саму себя.

Вечер

В доме Гамбино было тихо — ночные огни, тени кипарисов, тепло ночи. Магдалена стояла у окна, в одной руке держала колье, которое подарил Вито. Её глаза блестят от внутреннего конфликта — не страха, нет... от какого-то странного, тихого предвкушения, которое она пытается задавить.

Телефон вибрирует.

«Вальтеро»:

— Жду тебя у входа. Надень то, что заставит мое сердце забиться быстрее...

Пауза.

Она прикрывает глаза.

Опускает телефон на стол.

И всё же... выбирает роковое, красное платье.

Платье глубокого бордового цвета, обнажённые плечи, высокая линия ключиц, тонкие бретели.

Волосы — распущены. На шее — его колье. Знак того, что она выбрала его, как своего покровителя.

Она смотрит в зеркало.

Дышит неровно. словно вступает на территорию, где не действуют её правила.

Чёрный «Maserati» останавливается у входа.

Дверь медленно открывается. Вито выходит — в тёмном пальто, рубашка без галстука, строгий взгляд, от которых у женщины дрожат колени. Ему не нужно говорить — его присутствие само по себе как магнит, как сплетение власти и мужской притягательности.

Он подходит к ней слишком близко.

Едва касается кончиками пальцев её подбородка.

— Ты прекрасна, Магдалена.

Она сглатывает.

Улыбка дрожит — в ней и страх, и желание, и растерян-

ность.

Он открывает для неё дверь.

Она садится. Машина растворяется в ночи.

В машине все было спокойно, Вито сидит рядом, его рука легко лежит на коробке передач.

Он смотрит на дорогу — и одновременно чувствует, что он ощущает каждый её вдох.

Музыка — итальянская, мягкая, глубокая. Позади виднеются две машины с охранной.

— Почему я? — неожиданно спрашивает она.

Он улыбается, не сводя взгляда с трассы.

— Потому что в тебе есть то, что не купишь.

Уязвимость. Честность. Неизлечимая жажда быть любимой. Ты непростая девушка — особенная. Такие и притягивают мужчин.

Она отводит взгляд, чувствует, как эти слова ложатся прямо в её рану. Она не может позволить себе отношения со свекром...

— И... ты недоступна, — добавляет он шёпотом. — Самая опасная форма желания.

Музыка замирает. Машина поворачивает в лесную дорогу. Огромная загородная территория.

Ночь. Фонари освещают дорожку к вилле.

Балкон задрапирован сотнями красных роз.

Повсюду свечи. Белоснежная скатерть на столе.

Скрипачка в длинном платье играет живую музыку на террасе, будто в фильме.

Магдалена замирает шагом позади.

— Это... для меня? — её голос почти шёпот.

Вито подходит вплотную.

Его ладонь касается её талии.

— Афродита заслуживает свой храм.

Он берёт её ладонь и целует тыльную сторону — медленно, с почтением, как будто открывает книгу, которую давно хотел прочесть. У нее сбивается дыхание от красоты и стеснения.

За большим стеклом — ночной лес. Свечи отражаются в

бокалах. Магдалена пытается сохранить дистанцию, но каждый жест Вито эту дистанцию уменьшает:

Он подаёт ей стул. Наклоняется слишком близко.

Его пальцы случайно касаются её плеча. Он отодвигает локон с её шеи. Он смотрит на неё так, будто читает её мысли.

— Ты боишься меня? — спрашивает он спокойно.

— Я... боюсь того, что чувствую рядом с вами. Боюсь, что о нас могут узнать.

Он улыбается уголками губ. Пьёт вино. Проводит пальцем по краю бокала.

— А я боюсь, что однажды ты исчезнешь. И у меня не будет второго шанса.

Эти слова пробивают её защиту. Она опускает взгляд.

Он встаёт. Протягивает руку.

— Пойдём. Я хочу танцевать с тобой.

Скрипачка меняет мелодию: медленная, глубокая, почти

интимная музыка.

Вито прижимает её к себе, не слишком, а ровно настолько, чтобы почувствовать её дыхание. Его ладонь на её спине — горячая. Она кладёт руки ему на плечи — сначала неуверенно, затем крепче.

— У тебя сердце бьётся как сумасшедшее, — говорит он тихо.

— Не слушайте его, — шепчет она.

— Я слушаю только тебя.

Он наклоняется ближе. Его губы — у её уха.

Он говорит то, что ломает последние стены.

— Я хочу тебя. Не твоего страха. Не твоего покорства. Тебя — настоящую.

Она закрывает глаза. Дыхание срывается.

Его руки скользят по её талии. Её пальцы цепляются за его ворот рубашки.

Вокруг свечи, ветер, музыку, их тела в лёгких полуобъяс-

тиях — все, что происходит между ними, — это чистое напряжение, химия, притяжение, которое невозможно остановить.

Музыка затихает. Он смотрит в её глаза. Долго. Не моргая.

— Скажи «нет», — шепчет он. — Хотя бы для вида.

Она не говорит. Она едва дышит.

Он касается её лица ладонью. Большим пальцем проводит по её нижней губе. Лёгкое касание, будто проба.

— Вы часто думаете обо мне, синьор Гамбино?

— Не было секунду, чтобы я не думал о тебе, Магдалена.

И в эту секунду она сама делает шаг вперёд.

Он ловит её лицо обеими руками — нежно, но отчаянно, как человек, который больше не хочет сдерживаться — и их губы наконец встречаются.

Не быстрый. Не жадный. А тот самый, который длится вечность: медленный, тягучий, полный накопленного желания.

Поцелуй, после которого нет дороги назад. Поцелуй, который стал началом запретной истории любви...

Ночь окутала собой, вокруг свечи, розы, музыка, их силуэты, сплетённые в первом настоящем прикосновении.

Магдалена прижимается лбом к его. Его руки держат её за талию. Они оба делают тяжёлый вдох.

Её шёпот едва слышен.

— Что же вы со мной делаете, Вито?..

А он улыбается:

— Это называется... начало. Начало красивой, итальянской истории о любви...

Заметка 12:

**«Дьявол украл мой первый поцелуй,
взамен Он подарила мне вечность...»**

От автора:

Всем приветик мои хорошие ♥# Как вам глава?

Я в шоке от Магдалены, а вы?

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

Глава 14 "В объятиях Дьявола"

— Не прижимайте меня к себе так крепко, капитан Батлер. Все на нас смотрят.
 — А если бы никто не смотрел, тогда бы вы не стали возражать?

Маргарет Митчелл
 Унесённые ветром

Ночь сгушалась как бархат, и стекло автомобиля отражало огни Рима в ровные, холодные полосы. Магдалена сидела в кресле, сложив руки на коленях; платье всё ещё держало форму, воротничок его едва касался ключицы, а на шее тяжело лежал бриллиант — чужой, холодный, как обещание. Вито ехал тихо; его рука, вся из того мира, где решения принимают мужчины, лежала у неё на бедре, почти невесомо, — и в этом прикосновении было столько прав, сколько ей не давали ни бумажные контракты, ни договора отцов.

Она думала о поцелуе — о том мгновении, когда губы Вито коснулись её губ и мир разошёлся по швам. Не хотела верить в то, что случилось. Ей казалось, она умеет держать себя в руках; ей казалось, что чувства — надёжная территория для других, не для неё. Но оно проснулось: тихая, губительная потребность смотреть на него по-другому, слышать его слова как причастие к тайне. И стыд — не тот, что от общественного осуждения, а тот, который отзывается в сердце, когда понимаешь, что позволила себе поддаться.

«Что же я натворила?» — шептала она себе, глядя на до-

рогу, где отражения фонарей тянулись, как следы чужих шагов. Рука Вито лежала у неё на колене — теплое пятно на холодной коже; её пальцы непроизвольно сжались.

— Тебе страшно? — спросил он тихо, не убирая руки.

— Мне страшно за то, что будет дальше с нами, — сказала она, потому что не могла лгать себе и потому что ей нужно было услышать ответ вслух.

— Не думай, — ответил он ровно. — Оставь всё на меня. Делай, как я говорю, и с тобой всё будет хорошо.

Его голос не слышал вопросов. В нём не было мягкости жалости, в нём была уверенность хозяина, который знает, когда держать в руках поводья. Магдалена почувствовала тепло и одновременно цепи — и в груди родилось то, что страшнее всего: благодарность за защиту и ужас от осознания, что эта защита куплена.

На заднем дворе виллы, в доме, где она впервые слышала его шёпот как обещание, Чечилия стояла в тени кухни и смотрела на закрытую дверь. Она видела беглые тени, слышала тихие голоса. В её глазах загорелась опасная улыбка, и она подумала: «Ох, мадонна миа, что ты делаешь, девочка?». Опыт женщин, которые видели больше, чем мужчины, подсказал ей — Магдалена попала в сеть. Сжала губы — не осуждая, а тревожно — и ушла прочь.

Ночь в Париже пахла табаком и амброй. «Ла Ноте Нерра» — клуб, где свет падал толстыми лучами, где музыка броди-

ла как кошка. Здесь, у одного из столиков, за угольным столиком, сидели Джованни и Джузеппе; по приглашению — Винченцо Марчелли, человек, чьи ночные заведения были не просто площадками, а узлами потоков, где люди делали больше, чем просто платили вход.

— Почему Вито сам не приехал? — начал Винченцо, крутя сигару между пальцами, — не люблю работать через посредников.

— У него много работы, — отвечал Джованни ровно, и в его голосе была попытка прикрыть то, что происходит дома.

Джузеппе, спокойный, как тот, кто много видел, продолжил:

— Я его правая рука. Я могу передать любые условия.

Винченцо усмехнулся, выпустил кольцо дыма.

— Зачем мне сотрудничать с Гамбино? — спросил он вдруг холодно. — Отдавать процент с моих доходов — вы предлагаете мне потерять то, что сколачивал годами?

— Вито хочет привезти свои услуги в Париж, — сказал Джузеппе ровно. — Это выгодно.

— Пусть ищет другого партнёра, — усмехнулся Винченцо. — Я не в тенденциях.

— У вас будут проблемы, — сказал Джузеппе и положил на стол карту — не с цифрами, а с фразами: «Репутация», «Штрафы», «Поставки».

— Кто ты, чтобы мне угрожать? — фыркнул Винченцо, почти смеясь. — Ко мне уже приходили люди потяжелее чем

Гамбино, и как видишь — я жив. Я не меняю правила из-за чьих-то амбиций.

Воздух стал плотнее. Винченцо не был тем, кому угрожали часто; он чувствовал себя хозяином своего мира. А Джузеппе не хотел просто сдаться — он улыбнулся, вынул визитку и отдал.

— Мы остаёмся в Париже ещё два дня. Подумайте. Я даю вам возможность. — Джузеппе встал, сдержанно кивнул, и они вышли.

На тротуаре Джузеппе вздохнул и выругался между зубов: — Ублюдок французской породы! — закурил снова, со злостью и предвкушением.

Они ушли — но в воздухе осталась нотка угрозы, и никто не заметил, как по карману Винченцо соскользнула бумажка, на которой были начертаны слова: «Мы возвращаемся».

Ночь опустилась, и Париж стал свидетелем игры, где ставка была не просто деньги, а лицо, власть и двери, что открывают круги влияния.

Через несколько часов, когда Винченцо возвращался в свой кабинет, его секретарь, держа в руках ключ, замер у двери. На пороге стояла деревянная коробка — аккуратная, с сургучной печатью. Винченцо нахмурился: он не заказывал ничего. Открыв плотный замок, он вынул свёрток, завернутый в чёрную бумагу. Внутри массивный, старинный подковник, намертво прибитый к деревянной доске; рядом — полароид с изображением его самого в кресле — это был

снимок, сделанный ночью, когда он спал в своем офисе. Под подковой — листок бумаги:

«Спи спокойно. Но помни — кто держит ставку, тот всегда знает, где ты лежишь.»

Винченцо побледнел; у него не было привычки бояться, но тут пробежал холод. Это был знак: демонстрация силы без крови, но с тем же эффектом — понять, что для тех, кто обладает возможностью, не существует «запретных тем». Как в старых фильмах о мафии — не эстетика жестокости, а эстетика показного контроля. Эффект был ужасен: он понял, что перешёл границу с человеком, который любит игру и умеет выигрывать её по своим правилам.

— Гребанные макаронники! Ненавижу вас, Гамбино! — Выругался он на французском.

Рим

Дни шли, и дом вернулся к риторике обязанностей. Лаурина позвонила Вито; их разговор — это были нити, тянувшиеся меж семьями — нежность и расчет в одном флаконе.

— Развлекаешься без меня? — по-женски поинтересовалась она, с притворной легкостью.

— Без тебя скучно, Лаура, — ответил он. — Я жду тебя послезавтра. Как проходят твои дни в Париже? Надеюсь, Джузеппе сдувает с тебя пылинки?

— Он ходил по моим пятам, это раздражает.

— Это его обязанность. Ты же знаешь, как сильно мне

дорога, разве я могу позволить, чтобы кто-то тебя коснулся?

— Если бы ты меня любил, то, не отправил бы с Джузеппе в Париж. У тебя появилась любовница? Скажи мне честно!

— Никто у меня не появился. Не накручивай себя. Ты любишь устраивать драму в моем доме, хотя знаешь, что я не терплю подобное.

— Просто, я хочу, чтобы ты знал, я люблю тебя, Вито,
— сказала она тихо. — И когда я знаю, что у тебя кто-то появился, мое сердце разбивается на кусочки...

— Я тоже тебя люблю, Лаура. — проговорил он, и в его голосе было тепло, которое должно было успокоить.

Магдалена стояла возле двери, случайно или намеренно услышав разговор: голоса взрослых, которые говорят слова «люблю» легко, как о расписании. В её груди было острое, режущее чувство предательства: он говорил «люблю» жене — и минутой спустя говорил другие слова ей. Слезы — не театрально-обиженные, а тихо человеческие — скатились по её щекам. Сердце съежилось, и она пошла в спальню, чтобы скрыться и уйти от этой игры.

Когда Вито вошёл в комнату, он увидел её бледное лицо и не понравившийся ему жест: она отвернулась.

— Ты не хочешь со мной разговаривать? — спросил он удивлённо, но в его глазах скрывался холод.

— Не хочу видеть тебя сейчас, — ответила она ровно.

— Почему же? Что случилось? — он подошел ближе

— Ты ведешь двойную игру! Я слышала, как ты говорил

о любви своей жене, но, кто тогда я тебе? Зачем, ты впутываешь меня во всю эту игру, Вито?

Её голос дрожал, но в нём была решимость. Она повернулась к нему — и в её взгляде сверкнула обида.

Он подошёл еще ближе, не торопясь, как тот, кто привык владеть пространством.

— Не заставляй меня сделать тебе больно, Магдалена, — сказал он низко.

Её сердце прыгнуло. Это не было просто угрозой труса — это было обещание силы.

Он схватил её за плечи и прижал к стене; это не было лаской. Руки были деловыми и сильными. Она почувствовала его властный запах, чувствовала ритм его дыхания; это было тревожно близко. В её ушах зазвенело. Её глаза растёрли слёзы — тихие, неудобные.

— Что ты хочешь от меня? — прошептала она. — Этот поцелуй был ошибкой!

— Я хочу порядка и твоего послушания, — ответил он, и в слове была сталь. — Слушай меня. Делай, как я говорю. И никто не пострадает.

Его ладонь сжала чуть крепче; дыхание его было ровно у её лица. Это было не о любви. Это было о праве.

Она оттолкнула его, не от силы, а от последнего остатка собственного достоинства. Руки дрожали. Она упала на кровать, и ему пришлось отступить.

— Уходи, — сказала она наконец. — Уходи, пока я не

сказала иначе.

— Магдалена, ты же знаешь, я не из тех людей, которые обнимаются — я из тех, которые испортят твою жизнь, если не сделаешь, что я говорю. Ты моя собственность!

— Я жена твоего сына, Вальтеро! — Накричала она на него, — я не твоя собственность и никогда ею не буду!

Он резко наклонился, обхватил её кисти рук и впился в девичьи губы, она ему не отвечала, а он продолжал настаивать. Его губы переместились на её шею и грудь.

— Я никому тебя не отдам! — Проговорил он, прижимая ее тело к своему, она перестала сопротивляться. Плакала. Он прошептал ей на ухо:

— Я твой хозяин, Магдалена. Ты от меня уже не убежишь... — Он отпустил ее. — Я не позволю тебе плакать. Ты дорога мне, моя жена - мой статус, но, ты часть моего сердца, которое поджигает во мне пламя. Просто позволь мне любить тебя так, как любят настоящие мужчины. Я сделаю всё, чтобы ты была самой счастливой, находясь в моих объятиях.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд — как будто читал последнюю страницу — затем тихо вышел в тень коридора. В её груди билось много страхов, но теперь к ним прибавился новый фактор: понимание, что у него есть не только обещания, но и готовность применить силу, если он посчитает нужным.

Чечилия, проходя мимо, заглянула в комнату и на мгновение замерла. Её глаза говорили ясную вещь: «Будь осто-

рожна». Она подошла и молча поставила возле кровати чашку с ромашковым чаем — жест, который был одновременно заботой и предупреждением.

Магдалена закрыла глаза. Выдох. Ночь не уносила вчерашнего и не снимала грозы, что висят над ней. Но в глубине сердца рождалось нечто другое — не смелость, а ясность: ей нужно было действовать, и действовать быстро. Она больше не могла позволить себе быть только марионеткой — нельзя, чтобы чьи-то «люблю» становились ружьём, а «защита» — оковами.

Она бросила себе тихое, но твёрдым обещание, брошенное самой себе: она станет не предметом, а игроком. И если мир будет давить — она ответит. Это не было криком силы, это был план; маленькие шаги, которые надо было начать уже сейчас. Если она будет молчать, то Дьявол окунет ее душу в Ад...

Заметка 14:

Стать заложницей Дьявола.

Поддаться искушению - значит потерять свободу и получить ключ от золотой клетки.

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥ Как вам глава?

Что думаете по поводу всего происходящего?

пишите скорее свое мнение в комментариях♥♥♥♥♥♥♥♥

Глава 15. «Ловушка Дьявола»

Песня к главе: Devil Baby – Tsar B feat Mauro

Попадать в ловушки жестоких мужчин вполне в природе женщин.

Темный Дворецкий III: Книга Цирка

Влажный пар ночного Парижа ещё не успел осесть на асфальте, когда Джузеппе, лёжа в отеле, принял звонок. Экран на секунду вспыхнул — это был Вито.

Джузеппе рассказал Вито о случившемся с Винченцо Марчелли и его отказом от сотрудничества.

— Ты знаешь, как надавить на него, Джузеппе. Не возвращайся в Рим, пока не доведёшь дело до конца, — голос хозяйина звучал условно спокойно, но с тёплым сталинским приказом: так говорят те, чьи слова — не выбор, а требование.

Джузеппе чуть улыбнулся, чувствуя себя инструментом и похвастаясь этим:

— Даю слово, что он будет ползать передо мной как щенок...

— Как там Джованни? Он хорошо себя ведёт? — переключился Вито, и в его голосе звучало и деловое любопытство, и отцовская проверка.

— Да. Я не ожидал, но он действительно вовлечён. У него хватка, — Джузеппе перелистнул мысли как карты.

— Он пытался уже с кем-то переспать? — спросил Вито ровно, без раздражения — просто факт.

— Париж любит совращать молодых, — рассмеялся Джузеппе. — По вечерам он уходит с Маттео в клуб. Я не держал свечку лично, но наблюдаю.

— Проследи за ним. Посмотри, чем он там занят.

— Хорошо. — Короткая пауза, затем: — А Лаурина?

— Хорошо живёт, — ответил Вито. — Это главное. Держи меня в курсе.

— На связи.

Как только разговор оборвался, на телефон Джузеппе пришло сообщение: приглашение встретиться лично от Винченцо Марчелли. На экране — адрес, время, сухая фраза

за: «**Давайте поговорим**». Джузеппе улыбнулся: «**Рыбка клюнула**», — сказал он сам себе, и в этом предвкушении было удовольствие охотника.

— Чего улыбаешься? — позвала его Лаурина, появившись в дверях. На ней — кружевной халат цвета зрелой вишни; волосы распущены, губы играют острым тоном. В руках — бутылка красного вина и два бокала.

Он принял бокал, перевёл взгляд. В комнате было тепло; на столе — раскрошенные круассаны и карта Парижа, но сейчас они были декором.

— Сделка идёт, как надо, — сказал Джузеппе, приглашая руку Лаурины, но в его глазах уже мелькало что-то другое — интерес не только к бизнесу.

— Почему не спишь, Лаура? — деланно удивился он, но тон его был мягким.

— Моё тело жаждет прикосновений горячего мужчины, — ответила она, садясь рядом, и по её губам скользнула улыбка — провокация, не требующая ответа.

— Ты же жена моего брата, — хмыкнул он, напоминая не только о морали, но и о пагубных последствиях. Но смех

прошёл сквозь слова: запрет для неё — лакомство.

— Это мешает нам сейчас адресовать наши желания? — произнесла она, и в глазах её мелькнул вызов. Она распахнула халат — там было нижнее бельё цвета ночи, всё обманчиво невинно и одновременно вызовно. Женщина легла на колени перед ним и впилась в его губы. Поцелуй был быстрый, горячий, от которого у Джузеппе зарябило в глазах не только от вина.

— Как давно я не ощущала твоих губ, Джузи... — Лаурина рассмеялась.

Их смех и шёпоты смешались с шумом ночного Парижа — далеко, далеко от тех дел, которые они обсуждали, но так близко к тому, что имело большое значение в их семье.

В Риме был обычный полдень: город вял от жары, в воздухе висел запах свежесваренного кофе. Вальтеро пригласил Магдалену в кабинет — не на деловой разговор, а на то, что было похоже на обряд.

— Что вам нужно? — она была груба, потому что грубость — последний щит перед болью.

— У меня кое-что для тебя, — сказал он, в голосе не было фальши — только расчёт.

Он вынул чёрную шкатулку. Её поверхность блестела под софитами кабинета, как вещь, которой не место на женской ладони. Она открыла — там лежало кольцо: точь-в-точь такое же, как бриллиантовое колье, что красовалось у неё на груди, — теперь комплект. Желтый бриллиант, холодный, роскошный и с теми же остротами, что и колье. Её сердце ощутило новую волну отвращения и страха — подарок, который не просила.

— Я не приму это, — сказала она, стараясь, чтобы голос был ровным.

— Примешь, — сказал он коротко. — И не просто примешь: наденешь его, и будешь красоваться передо мной в этих бриллиантах, потому что я так захотел.

Он встал и подошёл слишком близко. В его руках была власть, в его дыхании — старый запах дорогого табака и духов. Он притянул её к себе, и в комнате запах её духов смешался с запахом его шинели — смесь, на которую нельзя было не отозваться.

Он начал целовать её шею и ключицы — не грубо, не так, чтобы сломать, а так, чтобы пометить: «я могу». Он вдыхал её аромат, как коллекционер, нюхающий редкую марку вина.

— Ты прекрасна, Магдалена, — шептал он, — я хочу тебя так, как мужчина хочет женщину: страстно, властно, горячо...

Её ноги словно подкошились. Это было заговоренное пространство: слова, которые обещали и угрожали одновременно. В глубине её появились отзвуки прежних страхов: этот человек не просто обладал вкусом — он умел превращать желания в факты.

Мужские нахальные руки полезли под её подол домашнего платья.

— Ах ты похотливая девчонка... — Он рассмеялся, так как на ней не было трусиков. — Ты решила порадовать меня?

— Я просто забыла надеть трусики... — она положила ладони на его грудь, а он прижал её ближе к себе.

— Я слышу аромат твоей киски, Магдалена. Может, ты раздвинешь свои красивые ноги и позволишь мне коснуться твоей киски?

— Вы хотите мне отлизать? — Она улыбнулась.

— Почему бы и нет. Я люблю молоденькие киски, они всегда очень сочные... — она оттянула платье в зоне декольте и показала свекру свою обнаженную грудь, соски снова торчали, как маленькие, розовые камушки. Они так и манили.

— Значит, я возбуждаю тебя? — Он ухмыльнулся и его губы прильнул к соску. Она прикрыла глаза. Низ живота приятно заныл. Магдалена не понимала, зачем так поступала. Но, ее тело жаждало мужских прикосновений, возможно, где-то в глубине, она делала это назло Джованни, и даже Лаурине и своему отцу. Ведь они использовали её, испортили ей жизнь и вступив со свекром в тайные и запретные отношения — она считала, что сможет отомстить всем тем, кто вмешался в её личную жизнь. Но, при этом Магдалена понимала, что попала в своеобразную ловушку свекра, её тянуло к нему, а значит, случилась привязанность, а эти чувства, та самая ловушка, вырываясь из которой, испытываешь боль и несешь потери.

Она почувствовала, как у свекра стало тесно в области паха. Он резко повернул её к себе спиной и начал тереться об её попку. Его руки приятно сжимали её обнаженные груди. Она еле сдерживала стон.

— Тебе ведь нравится быть плохой девочкой? Нравится, приходишь ко мне и тайно ублажать свою киску?

— Да, господин. — Она укусила больно губу. Он толкнул её к своему столу, она нагнулась и он поднял подол её платья, ему показались её сочные ягодички и уже влажная щель.

Он провел пальцами по розовым складкам и шлепнул несколько раз ее по ягодичке. Наклонился и его язык коснулся её влажной промежности...

— Ох, синьор... — Она застонала. А он грубо раздвинул ее ягодички и провел языком по самым запретным местам. От этих ощущений, Магдалена чуть ли не потеряла сознание, все её тело возгорелось пламенем, оно желало большего...

Но, эта тайная и запретная игра была прервана ударом в дверь: автомобильный шум, шаги, голоса — дом наполнился неожиданной активностью. Семья Беллуччи приехала — и в эту минуту Магдалена почувствовала, как мир сдвинулся. Она тут же оттолкнула от себя свекра и пыталась поправить свое платье...

Аурелия, мама Магдалены, спешила с порога — ей сулили тепло и волнение, она не знала, что увидит, но интуиция

подсказывала, что-то неладное.

— Синьор Гамбино в своем кабинете. — Сказала Чечилия принимая, незваных гостей. Женщина направилась к лестнице. Она закрывала шаль вокруг плеч и, войдя, услышала в коридоре мужской голос и шёпот. Открывая поворотную дверь, она застыла: в кабинете стояли Вито и Магдалена — близко, очень близко. Её взгляд перескочил с лица дочери на лицо хозяина дома — и в груди что-то сломалось.

— Магдалена? — её голос дрогнул, но прозвучал настолько резко, что послышался и в коридоре. Это было не зов, а вызов: мать пришла в дом, чтобы защитить.

Магдалена отскочила, как больной человек от горячей поверхности, и в глазах её вспыхнул страх, позор и гнев одновременно. Вальтеро отступил слегка, но в нём не было паники — была холодная расчётливость: маска хозяина, который знает правила сцены.

Аурелия замерла у двери, её шаль задёргала от дыхания. В руках она сжимала сумку, пальцы белели.

— Мама? Почему вы не предупредили о своем приезде? — Магдалена была взволнована, она словно потерял дар речи, ведь по глазам матери было ясно, что женщина что-то

заподозрила...

От автора:

Всем приветик мои хорошие♥# Как вам глава?

Неужели, будет скандал?

Вы в шоке?

Пишите скорее свое мнение в комментариях

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

ВАЖНО!!!

Мои любимые привет. Хотела сообщить, что данная книга теперь будет доступна только по подписке и только эксклюзивно на ЛитНет. Ее нигде нельзя будет прочитать кроме как ЛитНет. Спасибо всем кто продолжит читать данную историю, впереди будет очень много горячих и откровенных сцен.

Буду благодарна каждому, кто приобретет данную книгу по подписке и будет продолжать читать.

Главы выходят каждый день.

Всем спасибо за внимание.

Заранее приношу извинения за принесенные неудобства. Кто читал уже мои книги или подписан на мой телеграм канал ник: [arianamarkiza7](#), тот знает, что я чередую выход книг, одна выходит бесплатно, а другая платно, таким образом, я могу продолжать писать ежедневно, благодаря вашей поддержке.

Книга "Камасутра с Дьяволом" выходила до этого и доступна абсолютно бесплатно, именно по этой причине, данная книга "Раздень меня" сейчас выходит платно по подписке.

Спасибо за понимание.

С любовью, ваша Ри

Если остались вопросы пишите их в комментариях

Глава 16. «Скандал»

Иногда, пытаясь распространить самые шокирующие слухи, мы находим что-то скандальное. Правду. И единственное, что может быть более шокирующим, чем правда, это та ложь, которую люди говорят, чтобы прикрыть правду.

Сплетница

Коридоры дома гудели от непривычного напряжения — словно старые стены прислушивались к голосам, которые нарушили их привычный ритм. Кабинет наполнился словами, которые нельзя было стереть взмахом руки: обвинения, оправдания, крики и шепоты. Магдалена стояла у окна, и мир за стеклом казался одновременно далеким и опасно близким — как отражение того, что только что произошло.

Аурелия не могла взять себя в руки, её глаза горели.

— Что это всё значит? — рвалось из неё. — Почему вы стояли так плотно друг к другу? Что у вас за отношения?

Магдалена не выдержала.

— Мама, а почему вы не предупредили о приезде? — выпалила она, обжигая себя вопросом, чтобы боль была сна-

ружи, а не внутри. Её голос рвался, и в нём было столько оскорблённой гордости, сколько не выразишь даже в отказе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.